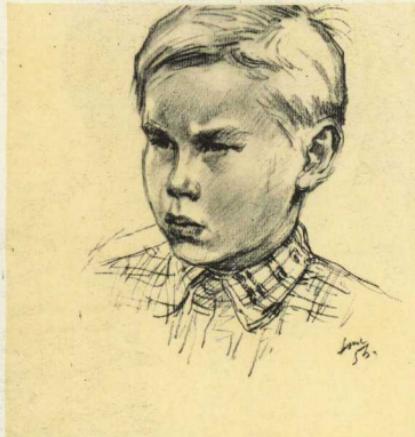

СМЕНА

11
1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Строгий товарищ.

Наши дети

делу время — потехе час.

Обязательный суп.

Аленушка.

Их миллионы. Им год, два, пять, десять лет. Один из них еще только учится ходить, другие уже пишут сочинения и сдают экзамены в школах. Это наши дети — будущие строители, инженеры, моряки, мастера урожаев и покорители рек. Их предстоит заселить землю, прокладывать и пронести ее через десятилетия в новые века.

Хочется, чтобы подрастающее поколение ничем не была омрачена, чтобы детям не приходилось бороться за жизнь. Это — желание всех честных труженников земли. И поэтому, в 1950 году, на VII конгрессе национальной демократической федерации женщин и Всемирная федерация

демократической молодежи провели ежегодно 1 июня — День защиты детей, то есть праздновали самой широкомасштабной отклик в разных странах. Движение в защиту детей началось в разных городах мира. Оно проходит под полумесяцами борьбы за здоровье и счастье юного поколения, борьбы за мир и против ядерной грозы.

1 июня, в День защиты детей, и еще раз на весь мир прозвучало требование, чтобы трудящих обезбрать новых виновных. Во главе этой великой борьбы за мир идет советский народ.

На этой странице воспроизведены рисунки из альбома художника Н. Жукова.

ПОДВИГ НА АМУРЕ

Есть города, история которых так сплетается с жизнью народа, что становится как бы символом Отечества. В нынешнем году, завершающем 40-летие Советской власти, страна отпраздновала и широко отмечает множество юбилейных юбилеев — 20 лет со дня основания социалистической индустрии — Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, Московского Первого подшипникового завода, Горьковского автомобильного гиганта и многих других предприятий и городов, среди которых по праву особое место занимает юбилей Комсомольска-на-Амуре.

Чем славен, чем дорог молодежи и всем советским людям город комсомольской инициатики, гордость легенды? Почти мифически вспоминается он, когда заходит разговор о могучем индустриальном штурме первых пятилеток, хотя в ту пору, когда таинское село Пермское встречало молодых энтузиастов, на карте Родины, помимо стройки Комсомольска обозначились и другие города будущего Грозный и пыльный кишил. Дюшамбэ превращалась тогда в цветущую столицу Таджикистана Сталинабад; в низовых Енисея, за Полярным кругом, в краю тундр стояла новая звезда — пыльный город, который вставал город-порт Заполярье Игарка; и там же, на Крайнем Севере, только за тысячи километров от Игарки, среди сопок и тундр, возникал у подножия атлантической горы Киркск; на берегу хмурого Охотского моря поднималась Магадан; в жарких степях Казахстана рос новый индустриальный центр — Караганда. И все же среди планий чудесных городов, воздвигнутых в первые пятилетки, особо всем привлекло местечко на дальнем Амуре — Комсомольск.

Он заслужил это потому, что, воплотив в себе всю горючую эпохи индустриальной бурь и матицких преобразований страны, всю силу и все вдохновение советской молодежи, с энтузиазмом призывающей боевые задания партии и проявившей такую силу, такую выдержку и волю к победе, что Комсомольск достойно предстает перед всем миром как немерещийся подиум советской ионности.

История Комсомольска известна теперь по хрестоматиям и энциклопедиям, по книгам и фильмам. В этой истории замечательно все:

и как шел в 1932 году по Амуру пароход «Копулум» с юными москвичами, ленинградцами, инвалидами и уральцами; и как высыпалась они на левом берегу в селе Пермском, где за темными избами, за клематисами на столбушках и развесинами не ловлы жердях сетями черной стеною поднималась тайга; и как ставили они первые палатки, как палили костры, как корчевали леса, гатили болота, ставили первые дома. Тайга встретила юных колумбов атаками комариных полчищ, непро-

изанными в первых таях выглядевшая одна из центральных улиц Комсомольска-на-Амуре, город только рождался; ныне — Комсомольск сегодня. Проспект Орджоникидзе.

И как вспоминают старожилы из передовых бригад завода «Амурсталь», которой руководит Иван Эзбаровский (второй слева).

Фото М. Кузнецова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь, № 11. 1957 год.

Год
издания
34-й

Все выше поднимаются стены нового дома. Умело ладит кладку молодой каменщик Владимир Кроповoi, прибывший в Комсомольск-на-Амуре из Ростова-на-Дону. На снимке: Владимир Кроповoi на строительстве нового корпуса для металлургов «Амурстали».

СТИХИ

Л. ЧИКИН

ПО СЛЕДУ

Себя считая «сыном века»,
он жил, как мы, мечтой горя
плотны возднгать на рехах
и создавать в степях моря.

Как он стремился к звонкой славе!
Перевернувшись готов был свет,
чтобы в истории оставить
хотя бы чуть заметный след.

Но предпочел ветрам звенящим
не строк гром — конторский шум,
отдал бумагам исходящих
талант, и знания, и ум.

А мы ушли в другие дали
и потеряли инова покой,
чтоб на каналах шлюзы встали,
легли плотины над рекой.

...Ложились контуры на кальку,
вступал бульдозер в разговор.
Теперь там волнил ложный гальку
и пароходы входят в порт.

...Мы исходили всю округу,
а он спокойно, где-то там,
как заяц, загнанный, по кругу
бродил по собственным следам.

Мы штурмом брали метр за метром,
готовя место для воды.
Колючий вихрь, снежным ветром
и нашим замело следы.

Но вот когда здесь море будет
и к портам корабль пойдет,
пуск история рассудит,
чей след на век остался тут.

г. Новосибирск.

Тимофей ЕФИМЦЕВ

В СТЕПНОМ ЛЕСУ

Н. Рыленкоев

Иду я спущу
Дыханье леса,
Зеленый широк чукой тишины,
Того и жди,

хоть бы потому, что его продукция хорошо
знакома детским предприятиям Сибири и
Дальнего Востока. Теперь Комсомольск плавят
сталь, готовят прокат и ленту по всей стране,
по всему миру слава города юности.

Не случайно на берегу великой русской
реки Волги, как и на берегу Амура, появился
второй Комсомольск: строители величайшего

в мире гидроузла в Жигулях, увлекавшие
из всех уголков и комсомольцев на стройке,
называя новый город строителей и энергетиков
Комсомольском.

Советская молодежь беззаботно верна делу
партии и готова выполнить ее любое задание.
Эта нерушимая верность партии рождает
новые победы комсомола.

Партия обратилась с призывом к юным
патротам, к комсомольцам поехать в дальнние
края осваивать целинные земли. И поднялись
на подиум комсомольская юность. Застучали
колеса дальних поездов, увозивших более ста

Фото Л. Данилова

нициаемо густыми туманами, воем диких зверей, проливными осенними дождями и такими же острыми морозами, что птицы замерзали на лету. Тяжко пришлось комсомольцам. Но трудности не сломили их, а закалили, испугали, а воодушевили, не погасили задор и вдохновение, а, наоборот, распалили сердца. И тогда еще раз проявился сильный и крепкий комсомольский характер, известный еще по фронтам гражданской войны, по сурьмы годам восстановления народного хозяйства, по борьбе с кулачеством и колхозному строительству.

Партия не ошиблась в комсомольцах: парни и девчата, приехавшие на берега Амура, не дрогнули, они повели наступление на тайгу и болота, проявили весь свой энтузиазм и добились того, что дерзновенно-смелый план строительства в тайге, далеко на востоке, стал явью, воплотился в бетон и металлические конструкции, в стапели для

кораблей, в заводские корпуса и столовые, в заводские корабли и столовые дома. И тогда город, созданный юностью, назвали Комсомольском.

Вот он стоит сейчас, красивый и могучий, поражающий заводскими громадами, площадями и проспектами, город, стоящий корабли и плавающий сталь, выпускающий станки и машины, принимающий свой порт караваны судов.

Город, геройческая скатка с природой, знаменательные для строительства Комсомольска, были повторены тут же, в самом Комсомольске, на берегу Амура, когда началось сооружение гиганта «Амурстали». Время было тяжелое, военное, во всем было нехватка, но молодежь, получив задание партии, и на этот раз умноожила славу Комсомольска. Вступив в строй, «Амурсталь» дал сразу столько же продукции, сколько выпускали иные старые металлургические заводы. О масштабах предприятия можно судить

МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Что облаком белесым
Взвеянутся куполаты у сосны.
Того и жди,
Что вспышки косматым
Лицам ярким плавненьем мелькнет
И белка вдруг
По соснам сковатым
Вверх побежит и в кроне пропадет
Того и жди...
А я тропой долгой
Бреду, колечками пуская дым,
То поклонюсь
Березе босоногой,
То запобуюсь
Дубом молодым.

Ликий, краса степей,
Раздолье птиче,
С полей повезло
хмельным,
гребнем...

А лес стоит
Всем своим величье,
Таким знаменем
И таким родинам...

ОСЕТИНКА-РЕКА

Добрый день, моя радость,
Горянка-река,
Ты задорна в работе,
Сильна и ловка.

В знайный полдень
Твои бескрайние воды
Навещают сады
И бегут в огорода...

Осетинка-река,
Моя радость-река,
Твои шумные воды
Белой молоки.

Ты, как действо мое,
Горючина, игрища,
Ты при всякой погоде
Мила и красна.

Ты вдыхаешь
Бодрящую сменость долин,
Чешущь косу свою
Гребешками плотин.

Ны тобою в ночи
Сплю словно дни,
Над тобою они —
Золоты они!..
г. Смоленск

тысячи юношей и девушек в степи Алтая и Казахстана, Южного Урала и Поволжья. В стенах выши буряны, но тракторные поезда, взрывавшие сугробы, уходили с новоселами на встречу метелям и стужам. Теперь весь мир знает о великой победе на целине, о высшей награде, которой удостоены партия и правительство комсомолу за проявленную доблесть в освоении новых земель.

Партия обратилась с призывом к молодежи, и комсомолцы, несмотря на то что в отдаленных залогах и городах, осенили Богатейшие районы Дальнего Востока и Крайнего Севера. И опять зашумела юность в комсомольских комитетах. И опять двинулись эшелоны, увозя более ста тысяч молодых энтузиастов выполнить задание партии.

Отряд комсомольцев-строителей мне привелось встретить на другом конце планеты — на ледниках шестой части света, в Антарктиде. Все ветры земных меркнут перед свирепыми ураганами «земли белой смерти», все опас-

Леонид ТАТАРЕНКО

ВЕЧЕР

Чуть касаясь волн зелено-ватых,
Над Боромлью клонится лоза.
В дымах на члене поют девчата,
Чайками взлетают голоса.

Вечер опускается белесый
Над пологим берегом реки,
Снича слетает с норок весел,
И плывут, мигая, огночки.

А волна, касаясь крыльев чаек,
С тихим плеском катится на плес
Да кувшинки желтые качает
Там, где окунь плещется у лоз.

ОБЩЕЖИТИЕ

«ГИГАНТ»

Звонко пробили куранты,
Звездная ночь светла.
Пятый этаж «Гиганта»,
Третье окно от угла.

Лягся на листья кипов
Свет розовый твой,
Тонкие ветви с балкона
Можно достать рукой.

Звягра порою ранней
Встретят меня Донбасс,
Вечніе шумящее здания
Вспомню еще не раз.

Звонко пробили куранты,
Звездная ночь светла.
Пятый этаж «Гиганта»,
Третье окно от угла.
г. Киев.

Александр ЧАСОВНИКОВ

НАШ САД

В наш сад слетелись соловьи
Из Курска, Витебска, Рязани,
Плюют все почки о любви
Без директивных указаний.

И даже мрачный бюрократ
Открыл окно в кабинете,
И даже он сегодня рад,
Что есть любовь на белом свете.

Ноности, которыми может угрожать человечку природа, собираясь здесь воедино, но ни ураганы, ни лютые морозы, ни зловещие трещины — никто не остановил бесстрашных комсомольцев. Смертью героя пали в борьбе со стихией, во имя науки комсомолец Иван Хмаря и Евгений Зубарев. Были обмороженные, больные, но не было трусов, не было паникеров и инон. И вот там я познакомился с комсомольцем Николаем Бураком, строителем Мирном. Николай родился в селе Борисоглебском Амурской области. Был в Амуре в Антарктиду и принес туда славу своего города, славу комсомольца Комсомольска. Он был первым на разгрузке кораблей, первым на стройке. Все комсомольцы работали так самоотверженно, что коллекция экспедиций решительно отметила их подвиг: называть главную сопку в Мирном Комсомольской.

Мы стояли с Николаем Бураком на Комсомольской, смотрели на мрачные ледники, на крутое океанская волну, бившую об

А злобный скептик пожелал,
Гася в чернильные окурухи,
Он изготоил сотни стрел
В своем замшелом закоулке...

Он же Весну пошел в поход,
На соловьевых рудаль...
А юнки поет, и сад цветет.
И скептик чихает от досады.

Любимая, я очень рад,
Что солнце светит над долиной,
Что сад растет наш без досады,
Что весь он юный, соловьевый.
г. Кострома.

Александр ПЕНЬКОВ

У ОКНА

Сыпал снег. Стояли двери у окна
И о чем-то думали своим...
Ей казалось, что она одна,
А ему — что здесь они вдвоем...

Снег был первым. Пышный и красивый,
Он летел и падал без конца...
Парень был влюблен давно и сильно,
Но стучали взрывной сердца.

Он уже почти не делал тайны,
Что дарсон всес ему она...
Ей казалось, что они случайно
Очнулись рядом у окна.
г. Москва.

Виктор ЛЕВАНОВ

В ДЕРЕВНЕ

У берегов,
Обломкам початый,
В сплошную залед
Смерзся синий лед,
И сплошь
Сажеволотой кручкатью
Посыпал кто-то
Шаткий переход.

Уходит в лес
Ремчущий стилой выгиб,
Не отравил
Пустые берега,
А вдалеке,
Как хлебные ковриги,
Стоят соломы ринки стога.

Есть в этой зимней
Красоте сухорой
На близких май
Невидимый намек.
Не потому ли,
Как сердце жизни новой,
Стучит в колхозе
Труженик-дажок.
г. Йывон.

тысячи и тысячи комсомольцев, никогда не бывавшие в Комсомольске, вот так же вспоминают город на Амуре, как бы бойц вспоминают нации своей части, завещавшие на подвиг. Бедомы первые советский народ поднимался к званию величия, величия. Победы нашей страны умносяются с каждым годом. Но всегда будем мы помнить подвиг советской юности на берегу Амура и будем гордиться Комсомольском: подвиг его не из тех, что раз совершились, уходят в прошлое и становятся историей. Подвиг его вечно жив, многократно повторяющийся, поднимаящийся на славные дела новые поколения.

Е. РЯБЧИКОВ

Здравствуй, рябина!

Павел ШЕБУНИН

Рассказ

Все началось с приезда двоюродной сестры — Татьяны. Ее драповое пальто, магнит пуховый плащок, высокие блестящие ботинки сразу привлекли жадное внимание Вары. Татьяна осторожно поцеловала накрашенными губами двоюродную сестру, протянула руку ее отцу.

— А тебе Маня где?

— На молочной ферме, — ответил Петр Петрович. И хотя сам вчера видел, как Татьяна ехала на поезд из магазина со станции, спросил:

— Дело приносит?

Татьяна склонила пальто, бережно повесила его на один из гвоздиков каштанкам от ниток, заменявших вешалку, расправила полы, чтобы не малиши, и присела на скамью.

— Еще вчера хотела к вам зайти, да никак не доберешься: и тих надо навестить и других. Ведь все село — родни!

Раскрыла большую дерматиновую сумку с никелированным замком, Татьяна достала пакетик, протянула Петру Петровичу:

— Расскажи лучше. Пусть тетя Маня пирог спечет. У вас, наверное, рису нет?

Варя, стоя посреди комнаты, рассматривала Татьянину платье. «Верно, чистая шерсть», — подумала она. И спросила:

— Почем, Таня, платила за метр?

Татьяна оглядела себя, поправила блестящую пружку на пойсе, назвала цену.

«Значит, хорошо заработалась», — подумала Варя, продолжая рассматривать гостью. Волосы золотые и стоя совсем другого цвета, не каштановые, как прежде, а золотые. И брови потоньше стали и потиньше. Губы ярко накрашены, а вот запурпуренные щеки бледные, зевавшие. Хоть Татьяна никогда и не была полной, а видно, как похудела.

— Ты болеала? — спросила Варя просто-душно.

С чего это я буду болеть? — В голосе Татьяны прозвучала обида, и она тут же улыбнулась и поклонилась: Это я в дороге устала. Вагон бесплательный, толком не выспишься. Хорошо, мне один сержант место на верхней полке уступил. Адрес свой оставил, прошу писать. Татьяна порыкала в сумке, словно желая показать адрес, но достала большую эмалированную пудреницу, прошлась ваткой по лицу, заглянула в зеркальце.

— Может, найдешь свое счастье, — сердечно заметил Петр Петрович.

Татьяна деланно рассмеялась:

— Да, конечно, я в Москве таких женщины, как он, сколько хочешь. Только я замуж не too-роплюсь. Если уж решать свою судьбу, то выходить за человека серзенького, у которого своих площадей есть. В Москве самое главное — площадь... Конечно, одеваться надо как следует, чумичком ходить не станешь. Я вот зимнее пальто спрятала, больше тысячи обошлось.

Петр Петрович перевел взор на висевшее на спине пальто, но Татьяна пожись:

— Ну, это мы с мамой симпатизаем. Тоже около тысячи. За платок триста отдана.

— Значит, хорошо заработалась?

— На заводе рублей семсот.

— Но очень чтобы много, — заметил Петр Петрович. — Небось, и за квартиру надо отдать, да и в столовой тоже все на рублики идет. Бывал в Москве, знаю.

— Я дома, варю, — объяснила Татьяна.

И потом я еще подрабатываю.

— Что же, еще какую службу имеешь?

— Ну, я в одних хозяйке хожу помогать: два раза в месяц стирка, а там еще и посуду помыть или полы пропертеть. Две сотни в месяц платят и корымт.

— Когда же ты успеваша? — удивился Варя.

— Если вничью работают, то днем к ней хожу, а если на заводе в утреннюю смену, то вечером. Мне довольно в сутки нескользко часов поспать!

Петр Петрович посмотрел на часы, стал на-девать пиджак.

Пойду, пора молоко везти. Мы теперь на молочных пунктах сидим. А вы тут с Варюшкой потолкуютесь.

Когда девушки остались одни, Варя не удер-жалась, пощупала материал на платье, на пальто. Татьяна встала, набросила платок на голову Варе, заложила складочку, подвела сестру к зеркалу.

— Вот ты какая красавица!

На Варю из зеркала глядело знакомое розо-вонько-бледное лицо, с бледной кожей, бледной лукой, становившей красавицей. Варя расправила ко-нич пластика на груди, повернулась к зеркалу боком, снова бросила взгляд. Нет, хотя трудо-дены в этом году неплохой, но родители денег на такой платок ни за что не дадут! Сме-сливались Татьяна, сама зарыбывает и живет, как хочет.

Татьяна, казалось, угадала Варину мысли.

— Чего же вдыхаешь? В Москву захватили! Поехали вместе. Петрович, у тебя Ниоша со мной покажется, в поток обожжените дадут. Поступишь на завод или на строительство. Кам-дые две недели будешь зиждаться получить. И приработать всегда можно будет.

Когда Татьяна ушла, Варя долго думала о городской жизни. Только ее леницы, любые наряды можешь наштыни! А тут все лето работала на поле, а трудодни откуда достались. Что купить, то и хорошо. Отец зря деньги тратит не любит...

Вечером, когда мать вернулась с молочной фермы, Варя привезла ей распечатывать о Татьяне и ее забытках. Но высокие забортики Татьяны и ее обновки не привозили на Марино Григорьевича оквидевшегося Варяя печатеня.

— Куда лучше у нас в колхозе! — разомнила ответила она. — Тут сам себе хозяин, и почем тебе. А то бегай по квартирам, чужое белье стирая!

Вера не стала спорить с матерью, а когда через несколько дней сказала родителям о своем решении ехать в Москву, мать недовольно поджала губы и промолчала, сокидая, что от会让 отец. Петр Петрович потер ладонью щеку и сказал неторопливо:

— Смуглите тебя Танька! Оно, конечно, заплатят два раза в месяц. Только за все рубли отдай. Круглые денечки, потому и кататься. Мать молчала. Вера так и сидела, пока ее отнесли в приемную, а решивши «вот бугут там недавно тануть», — подумала она, — а Татьяна уедет, тогда все пропадо. Ведь надо еще с председателем колхоза договориться, с комсомольским ученым сниться. Тоже не сразу согласие дадут; от председателя колхоза только и сплашни, что рабочих рук не хватает. Вон сколько ребят в ремесленном уехали, на строительство завербовались!

Дня за два до отъезда Татьяны отец неожиданно спросил:

— Ты куда?

Вера всплынула от радости:

— Еду, если отпустите...

— Что ж тебе дерхать? Ты уже взрослая, скоро восемнадцать. Главное, чтобы баловства не было. Таньку не очень слушай, у нее одни наряды не уме. Но покроются, вернемся: то сутки езды, на дальний свет. Да помни: и в колхозе дела налаживаются.

Противоречия в словах матери легко отпустили Варю, да и не стал распространять, потому что она уезжает. Видно, не считал ее таким уж ценным работником. Секретарь комсомольской организации Тоня, наоборот, долго говорила о том, какие перспективы открываются перед колхозами.

«Отказала бы уж сразу!» — злялась Варя. —

Что друшу выматывать! Но, закончив свою длинную речь, Тоня деловито выполнила все формальности и протянула Варе руку.

— Устремлюсь на работу, сообщиши, куда чучетную карточку высыпать.

Теперь уже никто не связывал Варю с колхозом.

Накануне отъезда она решила попрощаться с родными местами. Сразу за окопья началились перелески. Между ними танулись болотистые низины с небольшими, но пересыхающими дождями левками, пурпурными крапивами, приподнятых на заре, столбы маленькие стожки сена, поклонные на ложматые патлы. Варя шла, прыгаясь к корякам, березкам, осинкам, кустам орешника. Каждая полянка была здесь ярким знаком.

Дальше неширокой полосой шло поле, а за ним начиналось дубрава, по краю которой краселись обильными грядами рабини.

Варя остановилась на одной полянке, взглянула рабину за гладким, склонившимся от старости деревом, покрытым изящной листвой, и этот изящный запах почему-то взволновал Варю. Ей до слез стало жаль, что она больше не сможет приходить сюда за гордами, вдыхать аромат склонившейся травы... Все жизнь в колхозе теперь пойдет без нее. Варя притянулась к рабине и разревелась. Было жаль родных мест и в то же время неудержимо тянуло в город, казавшийся таким заманчивым...

II

Когда стали подъезжать к Москве, Татьяна помогла Варе повозить платок по-городскому, критически осмотрела ее порыжевший жакет, наконец сказала ободряющее:

— Ну вот ты и москвичка!

Первый час, проводившие Варю, было метров пять. Она едва поспевала за Татьяной, толкая своим сумчиком пассажиров.

Потом вхали в трамвай. Варя, стоя на передней площадке, рассматривала высокие дома, витрины, вывески, и ей не верилось, что она будет жить в этом городе, ходить по этим улицам.

Тетка Татьяна жила в полуподвале маленького деревянного дома. Гадом, вымытого, отмытого, с залитыми водой окнами, квартал.

Денегу, встретив пригородных женщин с распахнутыми лицами, небрежно причесанными. Прищурив маленькие глазки, она вытирала руки к клетчатый прорезиненный передник.

— Здравствуйте, тетя Нюра! Поклоны вам от всех наших. И папа кланяется, и мама, и

своему сумдучку, извлекла дорожные припасы, тоже выложила на стол.

Тетя Нюра сидела на бронзах Татьяне:

— Что же тарелки не доставши? Развалила все в газетах, как на вскоке! Слава богу, в доме живиши!

Татьяна кинулась к шкафчику, засвеченла посудой. Варя стояла у стены. Суровая тетя Нюра не спешши сесть за стол. Она поглядывала то на Варю, судячку, то на Татьяну чено-дан.

С приездом, значит! — наконец проговорила она.

Татьянин дрогнула, метнулась к Варе, вытолкнула ее в переднюю, зашептала:

— Надо увезти старуху! Сбегай, Варюша, взвеси четвертинку. Тут недалеко. Сразу налево иди, сама увидишь. Там виситка «Бакалея».

Отец для Варе на дорогу триста рублей. Пока она потратила деньги только на билет. Еще на дороге приходила: на месяц хватит, а тут непредвиденный расход. Но спорить не стала, вытащила деньги, спрятанные на груди, отдала полсотни, вышла на улицу.

Когда Варя вернулась, Татьяна и тетя Нюра, о чём-то шумно разговаривавшие, сразу замолчали. Варя дрогнула: разговор шел о ней. Поставила на стол четвертинку и сно-ва отошла к стене.

— Ну, — сядь, чего стоять! — тетя Нюра уже приторно сердито проговорила тетя Нюра, опускавшись на стул.

После завтрака Татьяна

тетя Маня! — затараторила Татьяна. — Гостице вам прислали.

— Это ж кто будет? — не отвечая на приветствие, спросила женщина, глядя на Варю довольно неприязненно.

Довольно тетя Маня — Варя. На работу приехала. Оно у нас два дня три побудет, пока обещанное получит. Хорошо, тетя Нюра!. Она вскинула Варе:

— Ну, что ж, если два дня, пусть поживет. И вернулась к корыту с немоченным бельем. Когда девушки умывались в кухне, Татьяна шепнула Варе:

— Тебе главное зацепиться. А за два дня найдешь работу с общежитием. Рабочие руки везде нужны.

Потом Татьяна призналась расплаковывать своей чемодан. Достала из звернутого в газету пакета тетя Нюре.

— Это вам мама прислала. Самого откомленного выбрали.

Женщина потеряла руки от передних, взяла гусь, развернула, понюхала, оглядела со всех сторон, скептически сказала:

— Спасибо.

Татьяна подала ей небольшой мешочек:

— А это картошка. Все на рынке не покупали!

Женщина вскинула мешочек на руке, положила на стол рядом с гусем. Татьяна достала еще жаренную курицу и сказала:

— А это мы сейчас позавтракаем.

Тут только Варя спохватилась, бросилась к

яне стала убирать со стола, а тетя Нюра оделась, положила в кошечку гуся и молча ушла.

— На базар пошла, — пояснила Татьяна. — У нее каждая колпака на счету. Сама вахтером на нашем заводе работает, два сына ей деньги присыпают, с меня полтораста берет за квартиру... — Она быстро сказала по комнате, народу порядок, потом схватила плащок: — Побегу к хозяйке, может, ей что нужно. Ты отдохни.

Варя сидела одна. Из окна, выходившего во двор, были видны ноги ребятишек да легкое шарканье по асфальту. Хотелось спать, но Варя не знала, где можно пристомиться. Наконец пригнула на сундучок, положила на него привезенную из дома подушку, и сразу уснула.

Вечером тетя Нюра ушла на дежурство, а Татьянин долг рассказывала Варе, куда идти завтра искать работу. Записала на бумаге некий адресок, объяснила, на каком трамвае ехать.

— Тебе главное зацепиться, — убеждала она. — Бери работу, какую предложат. И держись посмелей!

Ночь Варя провела на том же сундучке. Приснулась рано и, боясь разбудить Татьяну, дол-

го лежала на спине, все думая о том, удастся ли зацепиться.

Из дому они вышли вместе с Татьяной. Проехали на трамвае две остановки, потом Татьяна сказала:

— Тебе выходить, вон там пересадка.

Отыскав нужный завод, Варя долго стояла перед дверью отдела кадров, не решаясь войти. Потом все же толкнула дверь, оказалась в теплой приемной с несколькими окночками, подошедши к одному из них, сказала:

— Мне на работу...

— Какое у вас образование? — приветливо спросила женщина, выглядывая из окночка.

— Пять классов, — ответила Варя не без гордости.

— Что ж так мало? — удивилась женщина. — Обстоятельства не позволили?

— Нет, просто бросила школу. Читать-писать умею, куда мне еще учиться!

Женщина задумалась, легонько постукивая карандашом по столу.

Читать-писать и с семилетним обра- зованием трудно. Теперь к нам все больше из семилеток идут. Разве на подсобную рабо- ту вас устроить?

— Мне все равно. Мне лишь бы зацепиться,

— Лишишь бы зацепиться! — Женщина улыбнулась. — А где вы до этого работали?

— В колхозе...

— Что ж уехали? Плохо жилось?

— Нет, зачем плохо... — Варя даже обиде- лась на свою колхозку.

— Пожалуй, я вас устрою, — сказала жен- щина сочувственно. — Будете работать и учить- ся в школе рабочей молодежи. Документы при вас!

Варя послушно протянула паспорт и комсо- мольский билет.

— Комсомол? Это хорошо. Так в какой цех вас устроить? Где полече или потрудней?

— Все равно, я сильна. Мне лишь бы сра- зу себя показать, в твоем разрешении только два дня у нее прошло.

Женщина взяла из папки массу документов.

— Нет, у нас места в общежитии и по полу- годам и по году дают. Как же это вы уехали из колхоза, ни на что не рассчитывая!.. Хотя подождите минутку.

Женщина поговорила с кем-то по телефону, написала Варе на бланке адрес.

— Попробуйте съездить. Это за городом, по Курской дороге. У них есть общежития.

Снова трамвай, метро, электричка. Расспрашивая прохожих, Варя добиралась до завода. Нашла отдел кадров, сразу протянула в окночек документы.

— Тут нетен меня звонили.

Старший в черном кительке с блестящими пуговицами взял документы, перелистал их, по- том вернулся:

— Приходи завтра оформляться, сегодня уже поздно. — И захлопнул окночек.

Варя ликовала: вот и зацепились! Нет, свет не без добрых людей. Завтра она поступит на работу, переедет в общежитие. Вернувшись домой, Варя стала оживленно рассказы- вать о своем успехе.

— Тебя что ж, пятьсот рублей в месяц устроят? — озадачила ее Татьяна.

— Да ведь это для начальника. Потом, может быть, квалификацию получу.

— Дело твое. Только ведь это же за городом, там никакой по- бочной работы не найдешь.

Варя была обескуражена. Поначалу ей казалось, что все от- лично устроилось. Но и Татьяна тоже тоже права. В городе было бы лучше.

— Ты завтра не едешь, — решила Татьяна. — Эта работа от тебя не уйдет. Раз дают общежитие, значит, люди им нужны. Мы пока что-нибудь другое пощем.

Варя взглянула на сестру с благогодарностью.

На следующий день Татьяна забежала в комитет оживленная, раскрасневшаяся:

— Варя, скажи, пошли! Договорились с комендантром со- седнего дома. Как раз место дворника освободилось.

Варя не решалась спрашивать, почему лучше работать дворником, чем подсобным рабочим. Она поспешно оделась и вышла за Татьяной.

В домоуправлении за письменным столом сидел пожилой человек. Он удовлетворенно оглядел статную, сильную фигуру Вары.

— Ну, я получу, будете триста двадцать рублей плюс, — пояснил он. — В зимние месяцы — доплата за снег.

Варя не поняла, за что доплата, но перепро- спрашивала, постеснявшись. Самое главное, можно сегодня же переехать в общежитие.

III

Раньше Варя думала, что все дворники ста- рые и бородатые. Но в общежитии она уви- дела молоденьких девушек, примерно своих ровесниц. Они, конечно, уже знали, что к ним придет новенькая, показали Варе ее кровать.

Через некоторое время она узнала, что одну из девушек зовут Клавой. Тоже работает дворником, учится в техникуме рабочим молодежи. Восемнадцати лет, хочет перейти на завод. Рас- спросив Варю, почему она уехала из деревни, Клава посоветовала:

— Тебе обязательно надо учиться. С пятью классами не проживешь. У нас почти все де- вушки учатся.

Так началась Варина жизнь на новом месте. Ни рассветы они с Клавой подметали улицы. К ним подошел милиционер, посмотрел, чи- сто ли девушки метят, перекинув несколько слов с Клавой. Когда он отошел, Варя покраснела.

— Стряпой!

— Вася! Нет, зря не придишься. Долж- ность у него такая — следить, чтобы на участке чисто было.

Клава рассказала про других девушек, что откуда приехали, где учатся. Варя мела улицу и думала о том, как же быть: все говорят, что с пятью классами хороший работы не найдешь, а если учиться, то когда же прибывать?

— У меня теперь, Лидочка, один патерик и четверть, — сказала Клава комсоргу,

— молодец! К следующему лету должны быть новые общежития построены, возьмем тебя в цех.

Варя насторожилась. Все-таки на заводе заработок больше. Разве поступить в школу?

— Поступи. Но дела в школе слыши- ная: Варя никогда не была готовить уроки. После дежурства она бегала по квартирам — стирала белье, мыла полы. Денег на сберегательную книжку все прибавлялось, но временно для сна почти не оставалось. Когда она мела двор или

улицу, грузила на автомашину мусор, спать не хотелось, а на уроках дрова спиливали, на вопросы преподавателей часто отвечала не- впопад. Сначала учитель кое-как выводил ей твой, потом пошли двойки.

Варя уже решала было бросить школу: все равно ничего получается. Но пришла Лиде и стала расспрашивать о жизни, об учебе.

— Родители — деревенские — переводили — пони- тересованы, — сказала она, — мы бы не ходили.

Нет, они живут неплохо, им хватает. Тогда Лиде напрямых спросила, почему Варя неанимает стирать и мыть полы.

— Так ведь одеться нужно, — конфузясь, ответила Варя.

Проговорили долго. Лиде доказывала, что и скромно одетый человек пользуетсяуваже- нием, если он хорошо работает. Рассказала и про себя, как окончила ремесленное училище, как стала на заводе лучшей станочницей, называя своим звездочкой.

Но другую ночь Варя пошла в районную библиотеку, взяла книгу. Ей захотелось быть по-хожей на Лиду, уметь обо всем поговорить.

Подошла зима, начались снегопады. Высокий, худой старик, помощник комендента, появился в общежитии в три часа ночи, будил девушек. Они вскакивали, вооружались лопатами, скрепками, метлами. Зимой было после теплой постыдиться выходить на мороз, но потом становилось тепло и даже весело. Варе это нравилось. Вечером она сидела в кружке, вместе с подругами, смотрела, что кого обговаривает. Радовалась Варю и то, что теперь пойдет долгожданная прибавка за снег. Но когда Варя пошла за очередной полукопью в бухгалтерию, то оказалось, что за снег ничего не выписано. Она обиды даже закусила губу. Потом бросилась разыскивать комендента.

— Никонид Петрович, вы говорили, что будет надбавка за снег...

— А как же! Три зинанса месяца: декабрь, январь, февраль...

— А третий?

— Теперь за зарплату чистить. Да и снегу- то настоящего нет.

Варе все стало ясно. А она-то мечтала, что- бы снег валил до мая...

По вечерам девушка иногда заходила в красный уголок зашиби, где учились с учителем. Однажды она увидела Варю танцевать. Клава сразу пошла, а Варя застеснялась, но паренек оказался настоящий, и она согласилась. Танцевала Варя плохо, но солдат вел ее уверенно. Все обошлось хорошо.

Когда солдат ушли, она все думала о своем новом знакомом, об Андрее. Ей понравился этот молодой человек, внимательный, вежливый.

Потом они еще несколько раз встречались на танцах, ходили в кино. Андрей, видно, много читал и что-то знал. Варя ему нравилась Татьяна, будто не видно, что у человека в голове. Видно, ой, как видно...

Когда приходил Андрей, по- другу кричали:

— Варя, твой пришел!

И Варя выбегала к нему, опре- вин перед зеркалом прическу. Затем они просто ходили перед зеркалом и сидели на скамейке под деревьями, смотрели на колхозные деревни. Андрей рассказывал о том, как для службы в армии работал в машинно-тракторной станции, какие уроки снимают в брянских колхозах, говорил о постройке межколхозной электростанции и о своем привольном, широком крае. Варя думала, что этот край пожож на родные места, — тоже леса и пересеки, гряды и ягоды.

Когда деревня разрастается, обра- тятся поселок или город, останется ли спросить как-то Варя.

— Обязательно поеду! — и по-

смотрел на Варю так, что ей стало жарко, хотя стоял прохладный осенний день. Варя прочитала в его взгляде вопрос: поедет ли она с ним? А может быть, ей это только показалось. Андрей никогда не говорил, что любит ее.

Он ушел, а Варя стояла на дежурстве у дома, присела руки в рукава ватника, и думала об Андрее. На душу было радостно и немножко тревожно.

Однажды извозчику приехал отец. Он ввалился в общежитие с двумя большими мешками. Тяжело опустил их на пол, снял меховую шапку, стер пот с лица, сел на стул и только тогда поздоровалась:

— Ну, здравствуй! Как живешь?

Варя гляделась в лицо отца. Он как будто пополнился, только одет по-прежнему: все тот же ватник, туфли, кепка, голова покрыта лисьими и покрыты заплатами из черной кожи.

Петр Петрович поймал ее взгляд, покисил:

— Барину приезжий приезжал сказать. Что, новую одежду требовать? Хотел в наш районный центр везти, да цены там, говорит, не подходит.

Петр Петрович закурил, потом рассстегнул свой ватник, открыл выгоревшую, видавшую виды гимнастерку. Варя с досадой подумала: «Как нарочно, все самое старое собрано». Чем нового у вас? Как мама? — спросила Варя. Домой она писала редко. Не потому, что не думала о родных, а просто писать было некогда.

— Все здоровы. Мать на ферме работает. Применила получина. — Он принялся рассказывать о колхозных делах. Оказалось, что трудинец вырос почти вдвое. Новую синиеферму построили. Купили меринсов-баранов. Две птицефермы новые. Но лугах посыпаны травы, много сена накопали.

— Что ж ты не приоделся? — наконец не вытерпела Варя.

Отец усмехнулся, поглядывая подбородок.

— Всем обновы купили. Сестры свои не хуже Татьяны оделись. В городе пальто шились... А мне ни к чему в дороге новое трепать. В театры я не собираюсь, продам мясо — и домой. Вот отдохну у вас, а утром — на базар...

Варя догадывалась, что отец приехал ради нее. Испытывала смущение, что мэро званил, чтобы отпраздновать дорогу. Но как объяснить ему, что здесь оставаться некуда?

Командир ни за что не позволил. Она покраснела и наконец решилась сказать:

— Пожалуй, тебе лучше остановиться у меня... Ирии...

— Да я на полу могу переспать! — блаженно ответил отец. Но Варя почувствовала его к тепле.

По дороге Петр Петрович осторожно спросил Варю, не думает ли она вернуться в колхоз...

Нет, меня на заводе хотят перевести, — схрипела Татьяна. Ведь не станешь рассказывать отцу про Андрея. Да и сказать-то нечего: приходит, разговаривает, смотрит в глаза, а главное — мила.

— А к нам, — сообщил Петр Петрович, — бывшие трактористы из города возвращаются, комбайнеры, работники МТС. Хорошо работают, мастеров привозят...

Татьяна дома не было. Было. Тетя Ниора сразу узнала Петра Петровича, пошла к нему на встречу, протянула руку.

— Гости приехали! Хорошо, что не обещал, а то твоя дочь совсем по тетку забыла. Надо долго пожаловать, Петя?

— Ни денек. Хочу у тебя, Ниора, остановиться. Не возражаш?

— А чего возражать? Сундуки не простишь.

Отец склонил ватник, оправив гимнастерку, сел на стол, стал расспрашивать про городское жилье. Варя поклонилась у двери, потом сказала:

— Мне на дежурство заступать, я пойду.

Вечером отец зашел в общежитие за бараниной, чтобы отнести ее в холодахними при рынке. А потом заглянул перед самым отъездом с пустыми мешками.

— Может, денег тебе оставить? — спросил он Варю.

— Ни копейки, у меня есть.

Мать хотела тела гостиццев прислать, да я не взял, руки были заняты мешками. Ну, я пошел, будь здоров...

Варя удивило такое короткое прощание, она думала, что отец снова заведет разговор о колхозе.

— Постой, я провожу. Сейчас, только отпрошусь...

А чего меня провожают? Я уже дорогу знаю!

Тяжело было у Варе на душе после ухода отца. Хотелось вернуться домой, в родную деревню, позидеться с матерью. Весь следующий день Варя не находила себе места. Но когда пришел Андрей, словно гора с плеч свалилась. И хотя в тот вечер, прогуливаясь, она больше молчала, это никого не утешало Варю.

Варя с дембельским — наручником — возвращением Андрея. Эта и скучната и по тому! Варя плохо слышала, что он говорил дальше. Ей показалось, что дома кинулись и поблескивали кругом, как на карусели. Плыл тrottor, плыли недавно посаженные липы и вдруг разрознились. Варя невольно наклонилась в обратную сторону, чтобы не упасть. Андрей взял ее за руку, спросил встревоженно:

— Варя, что с тобой?

— Голова закружилась. Снег чистила ночью, не выспалась...

Андрей посмотрел на нее удивленно: уже несколко дней не было снеголада, сухой тротуар поблескивал редкими кристалликами льда, и голос у Вары какой-то чужой, слабый.

Оба замолчали. Варе хотелось убежать в общежитие, улечь головой в подушку, чтобы никого не видеть, ни с кем не разговаривать. Но она не могла двинуться с места, как бы влез в сне, когда надеялась на ноги не сгружаться. Стараясь не дрожать, рассказать про свои родные места! Варя верила ему, думала, пойдет вместе, а теперь он просто сообщает, что уезжает. Значит, не любит, просто ей все это показалось. Приходила поболтать, потому что скучно было в кузове...

— Ты что ж, боишься деревенской работы? — услышала она вопрос Андрея. Голос его прозвучал сухо, настороженно.

— А чего мне бояться? Ты едешь, не я... — Варе хотелось ответить задорно, но голос ее прозвучал беспомощно.

Андрей сжал ее руку, дожнул в лицо горячим дыханием:

— Я же говорю, едем, домой! Ты не болшича, поедешь?

Варя поняла: он тоже робеет, не решается сказать о своем чувстве. Какие у него глаза — большие, ласковые...

Отдышавшись, она сказала, стараясь быть сердитой:

— Что выдумали! Провожаю идут, скажут: солдат с дверинкой целуются... Но глаза ее сияли таким светом, что Андрей не обиделся на эти слова.

Потом они долго ходили по тротуару и вслух мечтали о том, как будут жить.

— Гусей там заведем, — неизвестно почему сказала Варя, и ей представилось большое белое стадо, хотя сейчас было совершенно безразлично, будут у них гуси или нет. Перед ее глазами всплыла картина из детства, склонено отцовское лицо с глазами, полными листьев. И даже будто запахло не той сеной, не то лесной свежестью. Потом вспомнилось, как хорошо было работать в поле. Вот и пойдет новая жизнь, жизнь вместе с Андреем...

Когда Варя вернулась в общежитие, что-то необычное было в ее лице. Девушки замечали это и стали расспрашивать, что с ней.

— В МТС еду!
— Зверебовалась?

— Зверебовалась! — И Варя рассмеялась долями счастливым смехом.

Зарегистрироваться в зарплате начину — отъезда. На шинели Андрея уже не было погон, но он выглядел также под статьным; казалось, воинская выправка останется у него на всю жизнь. Прямо из засыпки все направились к тети Ниоре, где отпраздновали свадьбу. Татьяна сильным голосом пела старые песни. Она и радовалась за Варю и грустила, что вот так и не устроила свою судьбу, все берегут подруги.

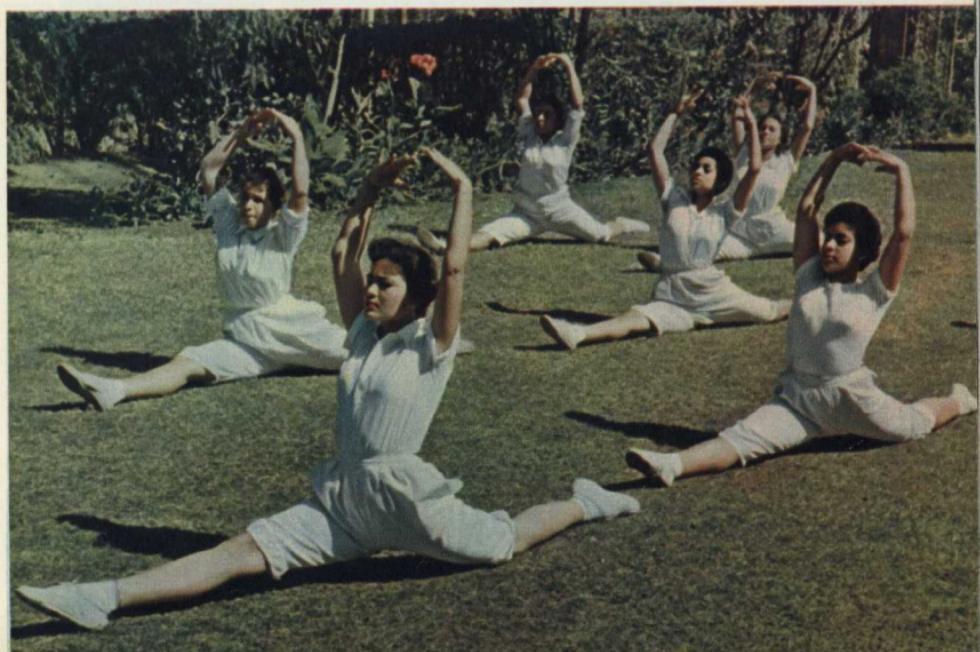
Варя сидела радостная и взволнованная. Жизнь в дворянском казалась ей теперь каким-то долгим сном. Метла, скребок, корыто с чужими белыми... Она думала о том, как снова выйдет в поле и будет выдыхать запах нагретого солнцем земли, как будет высаживать тоненькие стебельки рассады. Или, может быть, она поучится и сможет работать с Андреем на комбайне! Она даже не слышала, что члены семьи пели старые песни.

— А ребята там у вас есть?

Андрей посмотрел на нее понимающе, положил руку на талию и сказал:

— А как же без ребят?!?

Уральский русский народный хор — участник VI Всесоюзного фестиваля песен «Монолит». К престольному празднику юности он подготовил новую программу. На снимке: танцевальная группа хора исполняет пиратскую пляску.

ПУЛЬС ФЕСТИВАЛЯ

СЛЫШНЕЙ С КАЖДЫМ ДНЕМ

Фото А. Узлана.

Утром, перед тем как приступить к работе, сотрудники Подготовительного комитета пополняют в киоске газеты, поступающие из разных стран мира.

Москва, улица Красногорская, 37. Здесь — помещения Международной подготовительной комиссии VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Первое, что бросается в глаза каждому, кто входит сюда — это своеобразный календарь: высокий щит с надписью «До фестиваля осталось...»

— Можно войти? Мы пришли помогать.

дней. Вначале на его «листке» стояла трехзначная цифра, ныне — двухзначная, а скоро останутся считанные дни. В всех отдалах штаба фестиваля чувствуется приподнятость, какая бывает перед большим праздником.

Нам удалось наблюдать обычный день Подготовительного комитета.

— Зайдите, ребята, в экспедицию, там ваша помощь может пригодиться.

***

Экспедиция — место, куда тянутся изгороди из пакетов со всего мира. Тут же на столах группируются увесистые мешки с почтой, лежат пакеты, готовые к отправке. Рядом только что прибывшие газеты, журналы, письма, плакаты. Десятки юношей и девушек разбирают сегодняшнюю корреспонденцию. Среди них — студентка Инженерно-экономического института Галина Черкасова и финская девушка Пиркка Пойколовен. Одна из них готовит информационные плакаты, которые просили прислать молодежные организации Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании.

— Много ли у вас адресатов, с которыми ведется переписка?

Пиркка Пойколовен широко разводит руками: на вопрос ей трудно ответить — она лишь недавно начала изучать русский язык.

— Это можно узнать в картотеке, — советует Галина Черкасова. — Картотека заведет венгр Янош Уйи, участника нескольких фестивалей. Он следит за тем, чтобы ни на секунду не ослабевали связи комитета с тысячами молодежных организаций мира.

— У нас около тридцати тысяч адресатов, — говорит Янош и, перебирая пакеты, на столе которых впервые читает — Мартиник, Колумбия, Рио, Сенегал, Гана... Вот письмо в столицу Гаити. А этот пакет полетит во Французскую Гвиану, в Национальный подготовительный комитет фестиваля. Следующее письмо — секретарю

В экспедиции готовят к отправке письма, информируют о приеме писем, предлагают прислать молодежные организации, изъявившие желание участвовать в фестивале.

— Когда борешься за общее дело, всегда найдешь и общий язык, — говорит сенегальец Ло Шеак Бара.

Художники Борис Лоран и архитектор Ростислав Гвоздев мы встретимся на Красной площади...

местного подготовительного комитета провинции Тукуман в Аргентине. Вот эту фестивальную газету просила прислать в Чикаго Бернгард Перри... Разумеется, одни мы справляемся с такой почтой не можем, нам помогают много добровольцев. Вчера, например, приходили комсомольцы Ленинского района...

Нашу беседу прерывает телевизионный звонок:

— Вас вызывает Париж!

В один из кабинетов за большим, склоненным дружеским беседе-
дом Рабочего Международного комитета принимают у себя делегацию деятелей науки и культуры Западной Германии. За столом рядом с французом Жаком Дени, русским Константином Кузнецовым, сенегалцем Баре, немцем

Как Дени принимает подарки от представителей Международному подготовительному комитету от представителей западногерманской интеллигенции.

из ГДР Вернером Ламбцером сидят увенчанные седыми волосами профессор философии и доктор медицины Август Галлнгер, доктор теологии и философии профессор Иоганн Ауфгаузер и профессор политэкономии и философии Франц-Пауль Шнейдер.

Что привело сюда этих почтенных ученых? Дело в том, что представители западногерманской интеллигенции хотели поблагодарить организаторов ФРГ организовать поездку своей делегации на фестиваль в Москву. Профессор Шнейдер стал членом Международного подготовительного комитета. Он говорит: «Молодежь должна понять: то, что объединяет народы, гораздо прочнее того, что их разделяет».

Идет деловой разговор об участии в фестивале. В заключение беседы профессор Шнейдер подносит представителям Международного комитета подарок — альбом «Земли Рейна и Рур», и долголграющие пластины, на которых записаны гейтский «Фауст» и девятая симфония Бетховена.

Поет Мения Мартинес...

Здесь прослушивают и обсуждают новые песни.

Заглянув в одну из комнат на втором этаже, мы услышали неожиданный взгляд:

— Пирожки! Жаренные пирожки!
С маслом, чайную, рисом, вареньем! Стыдны штуки! Нет, ма-
лыш! Полсторты тысячи!

Боже, у кого такого чудовищного аппетита! Кто этот Гаргантюа?

Оказывается, речь идет об «аппетите фестиваля». Надо заранее заказать торгующим организациям «фестивальное меню». Московские кулинары собираются угощать участников праздника юношества русскими блюдами. Но, может быть, китайцы и индийцы, навещающие фестиваль из дальнего востока, покажутся им бледны. Проверяя изучить кухни всего мира. Сейчас они практикуются в приготовлении итальянских спагетти, арабского кускуса, китайских трепанов, французских супов и сотен других национальных блюд.

* * *

На листах бумаги, на попот-
ках в прогресс, который находят-
ся в Подготовительном комитете,
уже сейчас можно увидеть фести-
вальную Москву: символическое
изображение пяти материалов у
Охотного ряда, «лицу пятнистому»
из Зубовской площади до стадиона
имени Ленина, «лицу пятнистому»
Советских республик — участок
Садового кольца до площади Восстания...
Аудиторию конференции Лорана
и Ростислава Гвоздева мы встретимся на
Красной площади. Развернут на
капоте «Победы» чертежи, они
обсуждают детали своего проек-
та. Основная тема оформления
Красной площади — дружба наро-
дов нашего многонационального
государства.

Стены древнего Кремля, здание
Дома, проездили по площади будут
украшены гигантскими флагами,
гербами, национальными орнамен-
тами.

* * *

Вечером Совет студенческого
клуба фестиваля устроил встречу
участников художественных вузов.
В гостины Центрального дома
работников искусств собрались бу-
дущие музыканты, певцы, актеры,
балерины, художники.

В одной из комнат слышались
музыка: здесь выступают компо-
зиторы с песнями, написанными
специально для фестиваля. В чи-
тельном зале поэты декламируют
свои новые стихи. В фойе разве-
шаны старинные русские наряды: тут
дают консультацию по ко-
стюмам для фестивального кар-
навала.

А в малом зале за круглым
столом собрались представители
зарубежных студенческих органи-
заций.

Они рассказывают друг другу о
том, как молодежь их стран готов-
ится к фестивалю.

Молодая кубинская артистка
Ленин Мартинес что-быстро го-
ворит по телефону:

— Мения Мартинес просит пре-
доставить ей не слово, а... песню.

Мения поет хорошо знакомую
всем «Голубку».

Потом одна из участников
встречи берет аккордеон и вот
уже все кружатся в танце.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

ИДУТ ЭКЗАМЕНЫ

Фоторепортаж
М. Муразова.

Пора экзаменов. Сильно волнений, переживаний доставляет она студентам. В эти горячие дни они сдают экзамены для набора в аспирантуру. Понятно побывал в одном из вузов столицы. Ему удалось запечатлеть на пленку несколько любопытных сценок.

В ГОРАХ УРАЛА

Лев Сорокин — молодой свердловский поэт. Первым, напечатавшим его стихотворение «В большую язычку», вышла в 1953 году в свердловском журнале «Юность». Затем на изложенных признаках города понимали две его детские книжки.

Л. Сорокин много пишет о Урале, о людях труда, о природе. В прошлом году Лев Сорокин окончил Литературно-художественный институт им. М. Горького. Недавно его в третий раз избрали членом Свердловского горкома ВЛКСМ.

КОМСОМОЛЬСКИЕ ПЕРЧАТКИ

Кто не знает Каменных Палаток!
Я б стоял, гляден на них часами!
С этих скал до обличий заплаток
Я бы мог дотронуться руками!
Только не от Каменных Палаток
Глаз не отводил я восхищенных,
А от серых девичьих перчаток,
Стареньких,
запачканных,
прожженных.

Может быть, перчатки эти в стужу
Не помогут, пальцы не согреют,
Только рядом с фронтовым оружием
Я б их смело положил в музей!
И была бы подпись очень краткой:
«Эти комсомольские перчатки».
Стройка, мол, такая-то. И дата.
Это ж очень правильно, ребята!
Взглянешь на одну лицо

из перчаток —

И увидишь, как, взрывая скалы,
Между гор, у Каменных Палаток,

Стройка комсомольская вставала.
Что там скажи!

Даже комья почвы
Превращали мороз в упрамый камень.
И тогда на стройке днем и ночью
Землю согревали мы кострами.
А костры, огромные кострищи,
От денуриных требовали пищи,
Языки танули неясныто,
Хворостом хрюстели аппетитно!..
В старенской косыночке, в шубенке
Среди ночи
девушки, девочки,
Отгоняла сонную усталость.
Видят вдруг:
одна она осталась!

Как же так!
А сосны обступили,
«Не смешили, — шепчут, — позабыли!»
Может быть, ненравда это!
Шутка!
Никого не слышно.

Ой, как жутко!
Пусть до дому путь таинственный долож,
Убежать к товарищам в поселок!
Барабанить в двери, в окно
стучаться!
От обиды горько разрываться!

Но беззунней становились дали,
И кости заметно оседали.

И она до самого рассвета
Все в огне подбрасывала веток.
Ахнули ребята на рассвете,
Увидели лицо ее при свете.
Бригадир встретил сурово:
— Как тебе спалось на теплой

койке?
Для него нашли всего три слова:
— Вон со стройки!
Вытирая девушка украдкой
Слезм обожженной перчаткой.
Да, перчатки те не греши в стужу,
Но сказать плохого я не смю.
Рядом бы с прославленным оружием
Я же смело поместил в музей!

И была бы подпись очень краткой:
«Эти комсомольские перчатки».
Стройка, мол, такая-то. И дата.
Это же очень правильно, ребята!

ПЕРЕКАТЫ

Берега крутые без движенья,
Весла угрошающие трещат.
И хотя ты борешься с теченьем,
Незаметно движешься назад.
И тогда одежду — прочно!
И — в руку:
Что ж, давай поборемся, река!
Нужно молодому человеку
Поработать в роли бурлака!
Мокрые как будто бы от пота,
Весла в подите все еще лежат.
Пусть трудна бурлакская работа,
Но уходят берега назад!

Но грязнее вея бурлит двадцатый!
Как бывает трудно иногда!
Только не страшны вы, перекаты,—
Бурная,

тревожная вода!

НАВСТРЕЧУ ФЕСТИВАЛЮ

ФОТО
НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Приближается VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Успехами труда, учебы, самодисциплины, творчества заслуживают советские юноши и девушки этот праздник. Активисты включились в подготовку к фестивалю в студенческом профтехобразовательном институте имени первопечатника Ивана Федорова. Они проводят фестивальные вечера, организуют студенческие концерты, группы старых большевиков, писателей, артистов. Недавно в клубе института состоялась встреча с передовыми производственниками Швецарии, Франции, Германии, Италии. Основавшиеся просмотрены концерт студенческой художественной самодеятельности, до позднего вечера продолжались студенческие игры. На этом снимке вы видите студентку Н. Дерзумэлью, исполняющую на концерте танец с лентой.

Фото И. Влехмана.

В один из выходных дней комсомольцы Лицейского тракторного завода, готовясь к VI Всемирному фестивалю, младежи, устроили воскресную по сбору металлическим ломом. На помощь им пришли более сорока десять машин «ИДП-35». Еще до начала весеннего сезона комсомольцы из общезаводской комсомольской организации «Тракторист» и лицейской комсомольской организации «Лицей» вручили паспорт трактора «ИДП-35» лучшему трактористу Хворостянской МТС Бурятии — молодцу Валентину Овчинникову.

Фото В. Малыка.

Эти девочки и мальчики тоже готовятся к фестивалю. Хореографический кружок Дома пионеров Кубышевского района столицы, где они занимаются, разучивает и празднику большую танцевальную программу. Ученики танцуют отдельно, параллельно. Но сейчас парень между занятиями, и Лиди Сородудова, Митя Корнеев и Вера Боброва решили показать своим товарищам танец, который они разучивают самостоятельно. Судя по радостным лицам ребят, получается этот танец не плохо.

г. Москва.

Фото Н. Гранова.

С давних времен эмблемой города Горького считается фигура бегущего оленя. Если вы помните, она украшает новую автомашину «Волга». На снимке (внизу) один из участников фестиваля — учащийся химического училища № 11 Рудольф Ушаков и Валерий Конов (снимок вверху) решали вырезать из дерева таких оленей. Может, гостиам московской школы № 31, которые на фестивале получат в подарок автомобили с горьковчанами автомобиль «Волга», выпущенный по лотерее, но оленей, сделанных руками комсомольцев, им наверняка преподнесут в подарок.

Ученик школы № 31 Витя Артемьев (снимок внизу) все свое свободное время проводит на станции юных натуралистов. Здесь вместе с другими школьниками он выращивает голубей. В день открытия фестиваля питомцы Вити поднимутся в небо.

Фото Д. Людина.

У строителей Москвы сейчас горячая пора: к фестивалю надо закончить немало новостроек. Но и в это время не хватает времени и для того, чтобы к встрече с гостями разучить новые песни и танцы. На снимке участники струнного ансамбля Измаильского института строителей (слева направо) Юрий Гавриленко, Никита Морозов, Евгений Антропов и Николай Самусь.

Фото А. Светлова.
г. Москва.

При Ставропольском педагогическом институте существует спортивный кружок по массовой гимнастике. Сейчас ее участники готовятся к городскому и краевому соревнованиям по гимнастике. На снимке: Галина Шестopalова и другие участники выполнение упражнения.

Фото П. Чернова.
г. Ставрополь.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

В гордые годы опасности, нависший над молодой Советской республикой на юге и на востоке, поднялись десятки тысяч рабочих и крестьян Дальнего Востока. Несмотря на обильное знамя приверженцев и уссурийских партизан, наступили в память нашего народа и штурмовые ночи Спасения и волчака-вождя. В первых из них, национальных отрядах, созданных Коммунистической партией, складывались мифы, легенды, романсы героических дела, достойные легенд и песен, вписаны в замечательную страницу нашей гражданской войны.

Нашей советской молодежи, наследница славных революционных традиций, посвящено и свои воспоминания о партизанах-дальневосточниках.

ПАРТИЗАН СЕНЬКА

К полуночи, оставив более двухсот убитыми и ранеными, колчаковцы отступили к Хабаровску.

— Сеняка! Балбот послал горячего боя сидел у стационарной стопорки Власеням и пил молоко, закусывая мятками шиньгами.

— Да, ты хоть бы умылся, сердечник! Ровно медведь...

— Некогда, тетушка... Вот белых лохов.

Власеняня сквозь слезы стала рассказывать, как белый фельдфебель повесил стрелочника, как казаки надругались над его женой...

— Сеняка!.. Слыши, черт косолапый, папаню своего побили! — вбегает в избу, закричав Федя Мазурчук.

Приятели выбежали на улицу. Среди пылающих, стоявших отдельной группой, Сеняка сразу узнал отца — высокого, слегка согнутого фельдфебеля Даниила Балботова. И отец узнал сына.

— Сеняка!

— Я, тетя.

— На отца, значит, руку поднял?

— Нет, — опустил голову, тихо сказал Сеняка. — Это ты против народа пошел. В холуи к белым записалася.

— Проклятый тебе, разбойник!

Сеняка подняла голову, и, глядя отцу прямо в глаза, быстро заговорила:

— Я разбойник? А кто Ивана Маркова шашкой зарубил? Кто стрелочника повесил? Не отец ты, мое! — всхлипнул Сеняка и быстро, не дав никому понимать, вскинула карабин.

— Настанут декабря. Японские и белогвардейские части, заняв расположенные у железной дороги населенные пункты, пришли паршивым отрядом под руководством Гармашева к тайге.

Для установления связи с сопредельными отрядами партизан отправили в тыл врага разведчиков Сеняку Балботову, Федю Мазурчука и Якова Гудака.

Ити было трудно. В тайге бушевала пурга, на пути то и дело встречались буреломы и почти непроходимые заросли. Только на шесть суток разведчики подняли восемнадцати в тайге деревни Соболевка. Взрыв у одного из охотничих лодок и уложил на сани тушу дикого кабана да десятка два лошадей, партизаны дни-ночи спали на тайге.

Вскоре их остановили дозор белых.

— Куда и откуда?

— В Вяземскую, на базар. Из Соболевки.

К вечеру добирались до станции Вяземской и заехали к Андрею

Горбачу, машинисту, члену подпольного партийного комитета.

Сеняка, пребывая в пустом зале, забыла, что ее знают, и сказала:

— Береги себя, — шептала мать, обнимая Сеняку. — Ты ведь одна у меня осталася...

— Не плать, мамонька... Побьем белых — учиним погоду. Ты со мной будешь...

Послание партийного комитета Сеняке вместе с Федью организовано на базаре в виде речи, которую было поручено тщательно разглядеть расположение и огневые точки японского гарнизона. Это задание группа выполнила успешно, а Яков Гудак, торговавший диким кабаном, установил через приезжавших на базар крестьяне связь с соседними партизанскими отрядами.

Группа, организованная Сенякой и Федем, ждала боевого задания. И вот наступил вечер, когда ей

поручили уничтожить эшелон цитерни. Спрятавшись в пустом товарном вагоне, ребята ждали уловки сигнала. Наконец машины-паровозы дали три коротких гудка.

Ребята без шума выскочили из вагона и, волоча за собой промасленные концы, приблились к цистернам с горючим.

— Зажигай! — приказал Сеняка и запрыгнул из нагана в цистерну.

Запыхалася пламя. Из караулкой бокса помещения, стелясь на ходу, скользили японцы... А на юго-восточном береге реки Вяземской партизаны Погорелова и мой отец заняли бой с передовым охранением противника. Японцы открыли артиллерийский огонь, бросили в бой все силы гарнизона. На расстояние, выполнив свою задачу и не жалея выдавливая своей малочисленности, партизанские отряды отступили по направлению к деревне Будаково.

СИН ДИ-У ЗАЩИЩАЕТ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

Син Ди-у впервые встретил в штабе Уссурийского фронта. Он тогда командовал красногвардейским батальоном. Это был мужчина высокого роста, лет сорока — сорока пяти, с широкой, обычной китайской臉 (лицом) — синими щеками, варвар и просторного покрова куртка. Лицо его хранило следы пережитых лишений. В черных усах, опущенных книзу, пребывала внимательно, но серьезно, а с губ не сходила едва заметная улыбка.

Сын бедного крестьянина, преследуемый на своей родине за участие в Боксерском восстании, Син Ди-у бежал из Уссурийской тайги. Вместе с собой двухлетнего плодовитника Ли. В тайге он окончил пушным промыслом. Нелегкой была тогда жизнь в суровой Уссурийской тайге. Кунцы и царские чилюники жестоко эксплуатировали китайцев и туземцев. Пытались спастись от притеснений кунцы, охотники, искатели жень-

шена, добыватели оленевых пантов объединились в небольшие коммуны. «Старшинки», выборным руководителем одной из таких своеобразных коммун, оказался Син Ди-у, слышавший в предгорьях Син-Хэ-Альгин честным и смелым членом.

Однажды бедняки пожаловались ему Син Ди-у:

— Согласен разорить нас проклятый Тун Хай-Ло! Помоги нам, Син!

Вместе с пятью товарищами Син Ди-у поймал невиновного скунтика пушинки.

— Ты хуже лютого зверя, хуже гиены, — сказал ему Син Ди-у. — Ты угнетаешь бедняков, продаешь их детей, насилуешь женщин. Ты доносчица худшей из смертей!

Скунтика уволили в тайгу, привели в деревню, и тотчас тело его обвенчали тучи мух — уссурийского гнуса.

Вскоре после этого Син Ди-у,

преследуемый кунцами и царскими чилюниками, ушел на тайгу.

Рисунок А. Плакова.

За салом на опушке леса пять партизан отряда Гармашева шли по полевой каравану. Уже давно стемнело. Над тайгой лежала узкая полоска латунной охотничьей зари. Было тихо. Сидевшие в лежанке партизаны говорили шепотом.

Сеняка Балбот, шестнадцатилетний доброволец, накривил голову старой отцовской тужуркой, куря.

— Смотри, Сеняка, влезают они тебе пудрою прямо в цыгарку! Да и не породят куриную в хвосте, — говорил старший.

— Ничего, кругом кусты. Да белики теперь спят. Им во как всыпали, дай бог за ночь очухаться!

Затянувшись цыгарку, Сеняка повернулась к говорившему:

— Но только белики да японцы... — мой батя пузач-фельдфельбель, да ты, поди, дребреф...

Утром, сказывали, пленные кочевники заснули с прапаном. Еле и остretchedись с прапаном.

Шкура барабанная батя мой, — хмыкнул Сеняка. — Как нацепил киараць за слугу при дворице в Семеновском полку крестов для медалей, да как сделали и него поддрапора, такой зверька стал, куда там!.. Мати говорила, прохожая мима отечь когда узнал, что я ушел к красным.

К рассвету навалился туман. Дозорные чуточку прислушивались к машиныю шороху.

— Иду! Обороняй с фланга!

Подхватив карабин, Сеняка кувырком скатился с косогора и скрылся в тумане.

Через полчаса на левом фланге ударили пулеметы, заработала батарея, заухали шестидюймовки бронепоезда. Колчаковцы пошли в наступление. Но им не удалось захватить партизан врасплох. Отряд Погорелова обешал врага с правого фланга, мой отряд зашел в тыл. Завязалася бой.

14

В Хабаровске он поступил работать на мельницу.

Шел 1918 год. Высадив экспедиционные войска во Владивостоке, интервенты вместе с белогвардейцами двинулись на запад. Открылся Уссурийский фронт.

Коммунист Синь Ди-у по заданию партии выехал в тайгу на северо-западный глинязовской отдельный китайский батальон. В нем командиром было рабочие и портовые грузчики, кули, батраки... Росла и крепла Первая партизанская китайская дивизия, сражавшаяся за власть Советов племя в плечу с русскими красногвардейцами.

Зимой 1921 года генерал Молчанов объявил «крестьянский поход» на Москву и, объединив все белогвардейские части, двинулся по Уссурийской железной дороге и параллельно по реке Амур.

Полковник артиллерийского командования партизанскими войсками Праимурской области, с группой товарищей выехал в штаб дивизии Синь Ди-у договориться о совместных действиях, чтобы задержать продвижение противника на Хабаровск.

Три года прошло после первой моей встречи с Синь Ди-у. Время и тяжелые походы густо обозначили его голову, реси обознелись, стала складка между бровами, но губы продолжали трогать едва заметную улыбку. Двадцатипятилетний Ли, племянник Синь Ди-у, возвращался из санных лыжных командировок кавалерийского эскадрона... Всю ночь в фане горел огонь, мы вспоминали прошедшие бои, испытывали товарищество... Утром дивизия выступила по направлению к казачьему поселку Будаково, на берегу Уссури.

Столая ясная погода, но после полуночи поднялся ветер. Дорога заносило снегом. Лошади шагали с трудом... Только на следующий день дивизия вошла в Будаково.

Сто домов казачьего поселка не могли вместить всю дивизию. Измученные тяжелым сутоднем переходом, люди валились с ног и засыпали у kostров, расположенных на улицах поселка. Только эскадрон Ли, после короткого отძака ушел в разведку вверх по реке, в направлении Бенеково.

Всю ночь присказывание от Ли взволновало, что Бенеково заняты белыми.

Синь Ди-у созвал командиров.

— По данным разведки, — сказал он, — силы врага численно превосходят наши более чем вдвое. Но помните, товарищи: мы боремся за свободу и счастье народа, это удостеряет наши силы. Мы, китайские труженики, считаем победу Советской власти в России нашей кровью! Девам. Мы не отступим. Задача, поставленная перед нами, будет выполнена...

В два часа ночи вернулась разведка. Ли доложил о выступлении белых из Бенеково. Синь Ди-у приказал кавалерийской дивизии укрыться на берегу Уссури в засаде. Партизаны заняли снежные окопы. Дороги, ведущие к поселку, расчищены были бураном, белые сугробы лежали волами... И вот в предзарием морозном зареве показались передовые части противника. Группа конников поднимал аллюром с гиканьем и лихими выкриками бросилась к последу. Но, попав на ледяную дорогу, кони стали падать, поднимая под себя всадников. Разъезд повернулся к склону.

На рассвете противник начал артиллерийский обстрел, замер, скверка взрывов исчезла в атаку.

Синь Ди-у приказал поднять боевой флаг. Вновь падали на ледяную дорогу кони, и вновь копытами пулеметными очередями мы косили противника.

Тражды пытались белые ворваться в поселок и трижды, тяря сотни убитых, откатывались назад... К вечеру началась пурга, все вокруг потонуло в мгле. Партизаны были уверены, что начиная пойдут на генеральный штурм. Другого выхода для них не было: вонь крепчала, а до ближайшего селения — до станицы Венеково — было восемьдесят километров. Не могли они уйти, не дав нам боя и не попытавшись прорваться к Хабаровску.

Ночью артиллерийский обстрел усилился. Полк прикрытием огня противника осторожно подводил части к поселку и подошел к партизанам настолько близко, что даже слишком было, как будто волшебники ворвались в поселок, хвастаясь.

Партизаны испаринами, и только строгость командиров и дисциплины сдерживали их. Наконец прорвалась долгожданная команда:

— Атаку!

Партизанская цепь бесшумно скользнула с кругого берега. Впереди с маузером руке шел Синь Ди-у. Завязалась тяжелый рукоящий бой... Партизаны текли белых в сторону своей засады.

Синь Ди-у не давая зря опомниться, подал команда:

— Кавалерийский дивизион — в атаку!

С береговой кручи истребами сорвались кавалеристы. Началась рубка... В самой гуще боя, как молодой скот, лежал на сером жеребце Ли.

Белые дрогнули; бросив артилерию, снаряжение, раненых и убитых, по двое на оставшихся лошадях они пытались уйти на щите...

Коммунист Синь Ди-у с частью выполнил задание командования. Одним из лучших соединений белогвардейского генерала Молчанова настало себе могилу в снегах Уссурийского края.

АПЕЛЬСИННЫЕ КОРКИ

1919 год. Декабрь. Кругом снег. Все наше имущество молчаливо. Над железнодорожными путями сквозь густую магу проступают голубозапятые свет фонарей...

Начальник разъезда Гедике, старый большевик Иван Иосифович Шкловский, встретил нас рано утром.

— Что слишком на вашей железной дорожной земле? — спросил его Погорелов, командир партизанского отряда, мой левофланговый сосед.

Поза спокойно. После обеда прошли два японских эшелона на запад. Идут антитеррористы марширующими, охрана усиленная, что за груз, неведомо... Полчаса на снегу склонился с Розентальковки вышел товарищ.

Вскоре мы услышали шум приближающегося поезда. Начальник разъезда вышел на перрон. Следом за ним скрылся и Погорелов.

— Посмотрю, что за эшелон... В дежурную комнату, покрытую

морозным инеем, с сосульками на усах и в бороде, вошел главный кондуктор. Увидев меня вооруженным, он быстро заговорил:

— Товарищ, бегите... С эшелоном прибыло...

И я был уже плен: по ступеням прыжка громкали язычные солдаты с ружьями, в бронзе нагати вместе с ремицами в мусорную корзину, надел формуенную буфажку и сел за телеграфный аппарат, сделав вид, что принимаю денежки. Неверно стучали зубы, колотилось сердце, а мозг, не переставая, свирепая мысль: «Засыпали ся, и так глупо!»

Резко распахнулась дверь, и на пороге показались японские солдаты во главе с офицером.

Э... русская начальник, задаете...

Когда Погорелов увидел японцев за углом пла��а:

— Над любой ценой на полтора — да часы задержать эшелон! Понимаете?

— Хорошо. Постараюсь. Бегите, — отвечал Шкловский и спокойно пошел к двери.

Мы сидели в зале, разглядывая распорядок на составах вагонов, стоявший в тупике. Чтобы еще больше оттянуть время и не возбуждать подозрений, он прятался японских офицеров к себе домой — отложил и поужинать. Я вышел вслед за ними, а дядя до стерли, резко свиреп в сторону...

Мой отряд подошел к разрезу вместе с партизанами. Погорелов. Все было спокойно. Погорелов, сидя на корточках, подавал японским часовым. Часы партизан подпалили к эшелону все ближе и с короткой дистанции открыли огонь.

После четырехчасового боя охрана эшелона была инициирована. Восемидесятлетний партизан Пашка Игнатов взобрался на павров, открыл регулятор и пустил эшелон на взорванный на мост... До самого утра крестьяне соседнего села вились в тупике: пускеметы, винтовки, патроны, обрывки, обломки...

Мы ушли в тайгу... После короткого митинга около таежных барраков зазвенела гармонь. Ухарски заломил шапку на затылок, Пашка Игнатов лихо отсыпалась голопак. К вечеру, утомленные мишурицей бесконной ночью, партизаны улеглись спать. Мы были уверены, что враг неизвестна дорога к нашему таежному стану, но противник обнаружил ее из-за нашей недоработки. Помогли ему, как это ни странно, апельсиновые корки.

...На второй день после нашего налета на эшелон разъезд занял японцы. Расправившись со всеми, на кого падало хоть малейшее подозрение в содействии красногвардейцам, японцы двинулись на поиски партизан. Поздно вечером в селе Розентальковки встретили нас крестьяне из соседней деревни. Их же и подбросили на эшелон, и подбросили нашатаю партизан и указали дорогу в пограничный отряд. Жители села молчали, и только один из них оказался предателем. Это был бывший кабэтчик — брат Фомичек. Он выдал японцам молодого партизана Семена Калиту, случайно задержавшегося в селе. Интервенты сквалили Калиту, но ни одно слово не сорвалось с его плотно скожатых губ. Морозный ветер и снег изменили шрамы. Семен лежал на снегу, кровь ручейками текла со спиной, тело вздрогивало после каждого удара. Выдергав

пытку, он с трудом приподнялся на локтях, открыл тяжелые, опухшие веки и, с трудом склонив голову, увидел японца офицера... Семена повесили вместе с тремя другими жителями Розентальки.

Рыскающие по улицам японцы увидели на самой окраине села апельсиновые корки. Они валились на дороге, уводившей в тайгу.

После разгрома вражеского эшелона в числе трофеев партизане взяли несколько ящиков с апельсинами. Крестьяне-взяточники вскрыли ящики и с жадностью набросились на редкость для тайги. Апельсины корками были устроены весь путь следования обоза. По этим необычным следам, как по вехам, динулась к партизанскому стану японская пехота.

В пять часов утра забухали первые пристальные орудия. Внезапно напавший армада прорвал нашу оборону и вторгся в расположение партизанского стана. Мы вынуждены были оставить свою позицию и отступить.

Это был жестокий урок.

Захватили нас как рыбин... — и, наверное, говорили хмурые партизаны... — А мы то думали, что в тайге нас не найдут... Позор!

Было решено немедленно провести боевую операцию против врага, который сейчас мешал вынужденным склонам нападения.

Передовые партизанские части бесшумно подошли к обочине Розентальковки. Моя отрядная обочина села и ворота Розентальковки. Генерал, отрезав неприятелю путь к отступлению. Вскоре завязалась бой, в ходе которого неприятель был уничтожен полностью.

Мы снова уходили в тайгу, но за тем это же осталось на пути следования чего-нибудь вроде апельсиновых корок. Вместе с ними, опасаясь прихода карательных отрядов, уходили жители.

Дух порывистый ветер. Осыпал снежные сугробы, сажающие птицы и старых кедров. Казалось, родина Уссурийской тайги приветливо машет нам своими могучими руками, принимая желанных гостей.

Главный арбитр матча Геден Штальберг поздравляет нового чемпиона мира по шахматам Василия Смысlova.

Фото Н. Гранова.

Самая большая победа ВАСИЛИЯ СМЫСЛОВА

В течение почти двух месяцев внимание шахматистов всего мира было приковано к Москве, где проходил матч на мировое первенство между Михаилом Ботвинником и Василием Смысловым — выдающимися представителями советской шахматной школы. В шахматном биатлоне двух крупнейших гроссмейстеров есть много общего. Оба они начали увлекаться шахматами с детских лет и добились первых успехов в пионерских шахматных кружках. Оба стали мастерами, а затем гроссмейстерами в юношеские годы, в комсомольские возрасты. Но самое главное, что оба они уже завоевали звание чемпиона страны, пионер Вася Смыслов еще только делал первые шаги, с увлечением постигая основы шахматной игры.

Шли годы. Ростло мастерство юного шахматиста. Его дарование было замечено опытным тренером и педагогом Юрием Фоминым в Могилевском Доме пионеров. За два года Смыслов прошел путь от шахматиста второй категории до чемпиона Москвы, а в 20 лет стал одним из сильнейших мастеров страны и был удостоен звания гроссмейстера СССР. После Великой Отечественной войны он участвовал в первых всесоюзных соревнованиях и участии в международных встречах, достойно защищая спортивную честь Родины. Среди тех, с кем ему доводилось вступать в единоборства, были такие видные шахматисты, как Ботвинник и Керес, а из зарубежных гроссмейстеров — Решевский, экс-чемпион мира Эй-де и другие.

В 1945 году Василий Смыслов одержал убедительную победу над Решевским в радиоматче СССР — США, а три года спустя, выступив в матче-турнире на мировое первенство, он оставил позади всех своих соперников, за исключением Михаила Ботвинника, ставшего тогда чемпионом мира.

Однако во всем своем блеске талант Смысlova проявился на международном турнире претендентов в Швейцарии. Здесь советский гроссмейстер продемонстрировал своеобразный, глубокий стиль игры в сочетании с отличными спортивными качествами. Он официально завоевал право одерживать звание чемпиона мира. Этот матч состоялся весной 1954 года и принес Василию Смыслову новую славу: в единоборстве с Ботвинником ему удалось добиться равного результата. Через два года, на очередном турнире претендентов в Голландии, Василий Смыслов снова завоевал победу. И вот после этого первого матча с Ботвинником в марте — апреле этого года Василий Смыслов победил чемпиона мира и утвердил за собой это почтенное звание.

Василий Смыслов, которому недавно исполнилось 36 лет, сейчас расцветает своим творческим силом. Он не только выдающийся мастер кунстхауса и тетерев, готовится к новым шахматным битам, неустанно оттачивая свое мастерство, чтобы и в дальнейшем высоко держать знамя самой передовой в мире советской шахматной школы.

Л. ВИКТОРОВ

СПОРТ НА ФЕСТИВАЛЕ

Флаг спортивных соревнований в честь VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов будет поднят 30 июля на московском стадионе «Динамо». Одиннадцать дней продлится встреча молодых спортсменов.

Соревнования одновременно развернутся на четырнадцати спортивных базах столицы. Летом, впрочем, встретятся в Лужниках, баскетболисты на Ширяевом поле, а пловцы — в новом бассейне на Кропоткинской улице.

На стадионе «Метрострой» можно будет «поболеть» за игроков в бадминтон (юй-мэо-чу). Волейболисты пройдут на известном всем болельщикам Куркинском шоссе.

Не менее интересен и для многих новый будет игра в регби, недалеко от которой забыты в настоящее время нашими спортивными обществами. Это единственный вид, в котором не будут выступать советские спортсмены.

Из каких стран собираются приехать в Москву молодые спортсмены? Для начала — из нашей Организационного комитета, этого «спортивного штаббаза» фестиваля. Из Буэнос-Айреса сообщают, что Аргентина пошлет

Приз за победу в командных спортивных соревнованиях молодежи.

шахматистов, чтобы помочь в беговой дорожке или футбольном поле. Для них будут проведены соревнования на призы фестиваля и организована сдача норм по спортивному значку первой и второй степеней.

Начнутся же в воскресенье, так называемые юноши и девушки смогут не только в Москве. В дни, предшествующие фестивалю, будут проходить во всех союзных республиках, краях, областях, городах, районах и селах соревнования на право получения этого спортивного значка.

Во время фестиваля состоятся международный слет туристов на живописном берегу озера Селигер.

Юр. ПОГОСОВ

Такая медаль учреждена для победителей личных соревнований и участников команд, занявших призовые места (золотая, серебряная и бронзовая).

на фестивале команду волейболистов и футболистов. Две лучшие команды Народной лиги футбола приедут из Уругвая. Культурная ассоциация Непала просит, что она намерена послать в столицу СССР своих самых известных игроков в бадминтон. Австрийские спортсмены просят включить их в число участников соревнований по футболу, волейболу и велоспорту. Прислали заявки около сорока стран. Это уже сейчас позволяет предположить, что на фестиваль прибудут более двух тысяч спортсменов.

Впротем, не надо забывать, что только спортсмены приедут на Шестой фестиваль. Среди делегаций всегда найдется много желаю-

Одним из кубков, которым будет награждена команда-победительница в соревнованиях на призы фестиваля по футболу или волейболу,

Дамбийский магнитогорский лагерь водного спорта «Буревестник» является прекрасным плавательным бассейном. Здесь можно участвовать в соревнованиях по плаванию и водному поло.

За землянкой.

Фотоэтюд Г. Борисова.

ПРАВДА НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

В. Перов.

Автопортрет.

(К 75-летию СО ДНЯ СМЕРТИ
В. Г. ПЕРОВА)

ральную силу, что его побаиваются самы дикие звери муравьи. Ни угрозы стального, ни угрозы живого художника, ни разги ни сумели выполнить из этой крепкой головы неотвратимую судьбу — несправедливости окружающей жизни.

В те годы, когда модные французские художники боролись над тем, как нарисовать «выразительной импрессионист», русские художники (и среди них первов) Перов) мучились над тем, как нарисовать «страд» — настоящий вопрос своего времени.

Только с Первовыми русская живопись по-настоящему осознала свою задачи и цели, сумела выразить национальный характер, характер, заявив в себе в полный голос.

Биография Первова проста. Внебрачный сын обедневшего барона Кирхгофера, будущий художник родился в сибирском городе Тобольске. Отец его слухнул пронюхом, что мальчик родился от другой женщины, и забросил его в монастырь. Семье приходилось много раз переезжать с места на место, пока не переехали в Костромскую губернию, семилетний Василий учился грамоте у заштатного дьякона и особо любил читать и читали его Первовым (от слова «перо»). Так и осталось это прозвище на всю жизнь (если говорить о художнике, то родители не могли дать свою фамилию ребенку, если он родился от брака). Продолжил обучение в Адамской художественной школе А. В. Ступина. Первов летом 1852 года, в возрасте 18 лет, покинул семью и поступает в Училище живописи и ваяния.

В Училище в то время по рукам ходили сочинения Герцена, проникнутые искренним сочувствием и народу, широкие слова о судьбах России. Антикрепостническая настроение захватили восемнадцатилетнего Первова на всю жизнь — он никогда не интересовался художеством, смог омыться то, что он никогда не наблюдал в крепостных русских деревнях.

Скоро Первов, возглавляя группу юных художников-демократов, стал выступать за реформы, сосредоточенные в работе, личное обование, а главное — талант, серебряный, оригинальный талант, кото-

В. Перов.

Птицелов.

Почти сто лет живут произведения Василия Первова — художника огромной, исключительной силы. Уже в самом начале своей карьеры, мечательного бытописателя, он поднявшего негодящего негодящий голос против крепостничества, против насилия и угнетения.

Перов начал работать в то время, когда по словам известного критика В. Соловьева «русское искусство, на конец, прошло к художественному изображению народной жизни». Россия нарезывала революционную ситуацию, вспыхнула борьба против крепостничества. Взрывничество, самодурство царских чиновников, общественные беспорядки, острое негодование передовых слов общества. Первов все отдал с «всюю щемящей чувством негодящими».

К тому времени русское искусство уже имело богатейшую художественную традицию. Большими успехами пользовались полотна Кипренского, Тропинина, Брюллова, и другие мастера, неизменно находившие в своем изображении народной жизни русские художники обратились только в народ. Но в это время было еще картини Репина, Сурикова, Верещагина, Васнецова, которые широко отразили жизнь на-

роды.

На одном из первовских портретов мы видим крестьянину, прозванного «богемским». Упрямый, смуглый, с мигающими взгляда, усталые, морщинистое лицо, пронесенное на недосягаемом сорту, в котором на бородой жизни, о типичной работе от зари до зари, когда за целый день не склонялся, оставил на холсте минутную в себе, огромный Фомушкин в то же время сохранил такое нравственное здоровье и такую мо-

В. Перов.

Приезд гувернантки в купеческий дом.

рый Первов сумел учредить из немногих людей того времени, погибших в борьбе с народом, А. Островского.

1860 год отмечен для Первова, таинственным образом, как год рождения «Последний кабак у заставы». Вы помните эту завышенную, засыпанную землю улицу? Холодный зимний вечер. Толпы красношапок замерзли, они сидят на уличных скамейках, крестясь, склонив головы, одна из которых сидит заплаканной молодой женщины. Ваш взгляд скользит по улице, ходящим по земле, вдруг останавливается на двух столах, с двуглавыми орлами на ножках, стоящих на улице, и вспоминает о западной женщине, вы смотрите только на пронзительную линию ее ноздрей, на покосившийся на резину силуэт азартной с царскими гербами — и вами овладевает щемящее чувство боли.

«Последний кабак» — превосходная по живописи, самая эмоциональная картина Первова. Известно, что Первов пишет картины портреты Достоевского, Бессонова, купца Камынина, которые поражают своим присущим Первову характером и достоинством.

Большинство картин создал Первов в Тобольске, когда он жил в этом городе и близко к нему. Творчество его открыло для русской живописи новый путь, различный, температурный, блеклый, погруженный впервые в мировом искусстве, русские художники-передвижники, создавшие новое направление в русской живописи. Эти картины и сегодня заставляют нас с уважением, благодарностью гордостью всемирного замечательного художника Василия Первова.

ВЛ. ВОРОНОВ

Сельский крестный ход на пасху.

В. Перов.

Бухеты

Б. ЛЕБЕДЕВ

(Окончание. Начало см. «Смена» № 10)

В тот же день, когда наступило время отбывать, мы с Петей попросились к Владеку, чтобы он взял нас с собой на кухню за сум-лом. Наша группа, окружая двадцати человек, двинулась на кухню. У блоков уже толпились заключенные, здесь же стояли мальчишки. Одни из них, цыганский лес ветром—девятнадцать, отбывавший в новенький, по росту сыртый по-лоскатель костюмчик, с солидным видом подошел к Владеку, покоризировался за руку. В «большом лагере» имелся целый детский блок. Там было около тысячи девяноста самых маленьких ребятишек, от трех лет. Этот блок был окружен заборами и вниманием всех заключенных. Показательно, что к моменту освобождения, несмотря на царившую в лагере страшный го-рор, вся эта пятьдесят с лишним

лод, все дети остались живы.

Лагерь выглядел довольно уныло. Трава не росла, деревьев тоже не было, если не считать нескольких одиноко стоявших дубов. Об одном из них, развесистом великане, говорили, что это дуб Гёте. По преданию, под этим дубом великий немецкий поэт любил отыхаться.

Подходя к кухне, я обратил внимание на группы заключенных-новичков. Это оказалась одна из первых партий варшавян. Среди них было немало мелких буржуа и обывателей, скваченных пряно на улице и не имевших никакого отношения к варшавскому восстанию.

Разинава суп'язи вісок. Его величний медній черпак ритмично дівлягся вперед і назад, отмежувая однакове кількіство губ і юші. Лиши, погулюючи свою порцію, отходили в сторону і расположалися прямо на землі. Вдруг я увидів, що один із носичков, погулюючи свою порцію, відкинув прорізану пальцем очікувану монету, зваживши на сонце, і дстав під ноги консервовану банку, подавши її. Черпак нахмуко-то долю секунди прервав своє ритміческе діяння, а потім со страшною силой опустився на голову заключенному. Тот упав. Я кинувся помочь ему подніться. «Ніч пачкайся об цу падаць, он получык по заслуғам», — сказав Владек і показав на предмет, що лежав на землі пали. Это була масивний золотий постригач. Заключений жестоко заплатив за свою попултку купити *на золото* миску супа.

Получив бачки с супом, мы возвращались обратно в свой блок. Бачки в Бухенвальде обыкновенно

ночным бегом, становиться было нельзя, чтобы не задержать всю группу. И вот, когда мы пробегали мимо одних из команд, направлявшихся из лагеря на рабочую, мне в глаза бросилась знакомая фигура. От неожиданности я остановился, наша цепочка разорвалась, загремели поставленные на землю баулы, подскочили волысоми Владимира, мы опять схватили их и побежали дальше. Я ничего не мог понять: неужели я ошибся? Этот заключенный был очень похож на Николая. Однако, когда на мой голос он обернулся, я увидел какой-то незнакомый номер и фиолетовый винкель с буквой «Р». Встретившись со мной взглядом, человек ответил взаимностью. Человек — это Николай — это «мы» — это «ничего».

Но почему же он отвернулся?
А вечером на проверке, доказывая дежурному эсэсовцу о наличии заключенных, Владек назвал номер Николая вместе с номерами отправленных в больницу. Нередко заключенным, которым грозила смерть, товарищи давали номера умерших. И тогда я понял, что Николай жив. В то же время я не мог заснуть. Спинником

много впечатлений за один день. Так вот какой он, Владек!

Красноватые блики снова бегали по потолку, но страх перед ними я уже не чувствовал. Ведь рядом были друзья, товарищи! Серпус!

ТОНКОСТИ ЖИЗНИ

Три «кружедения» пользовались в Бухенвальде особенно большой известностью, и о них заключенные всегда рассказывали вновь прибывшим. Первое — это экспериментальные блоки. Там заключенных испытывали как подопытных кроликов. Что делалось в этих блоках, мы в то время не знали, но живым оттуда никто не возвращался. Позднее из материалов Норбергского процесса выяснилось, что там проводились страшные медицинские опыты: людей заражали тифом, делали вливания различных веществ в область седловидной.

Второе «учреждение» — это «хитрый домик», как его называли заключенные. Он был построен для Эльзы Кох — жены

командента лагеря. Она занималась тем своего рода руководством: сидела с умерщвленными людьми кожу с татуировкой и делала из нее абажуры, перчатки, дамские сумочки, особенно красивые тутузыки, собирали в альбомах. Каждый такой альбом стоил многочеловеческих жизней. Садистка хранила также коллекцию национальных причесок, состоявшую из отрезанных и засушенных голов.

Третье «учреждение» — команды «Доря» и «Гера», которые работали на подземных военных заводах, изготавливавших ракетные снаряды. Здесь заключенные жили, работали и умирали под землей. Тот, кто туда попадал, больше не видел света.

В 1942—1943 годах число погибших определялось числом прибыльных. Нашибынские потери несли команды на общих участках, в том числе кавалерийские. Котляревская команда, направляемая туда, подводила к воротам, дежурный эзекийловский офицер получал сведения о количестве заключенных и приказывал, чтобы в лагерь живых вернулось столько-человек. Приказ этот выполнялся конем и като, который набирался в то время из числа узников. В лагере часто возвращались половины команды, неся на плечах своих погибших товарищей. Всегда же возвращались живыми жертвы тела умерших под руку. И только после проверки наконец складывали их сквозь блоков штабелями.

Нелегко, конечно, приходилось заключенным и в других командах. Мне запомнился разезд одесского товарища, попавшего за какие-то грехи в «штрафную» команду под странным названием: «Новые ботинки». Вот что он мне поведал: «Новые кожаные солдатские ботинки очень грубы, и чтобы нещадно солдаты не стирали ног, их давали разнашивать заключенным. Несколько тысяч человек выводили на площадь, заставляли их надевать эту обувь, и гоняли бегом по кругу. К вечеру ноги у всех были окровавлены

Эта ограда постоянно находилась под током высокого напряжения.

ны. На следующий день все повторялось снова. Люди в этой команде гибли, как муки.

БОМБЕНКИ

Над лагерем то и дело пролетали соединения английских и американских бомбардировщиков, и мы, наблюдав за ними, было, гадали: какой город будут бомбить? Однажды в обеденный час, когда в блоках собирались много народа, самолеты появились над лагерем. Они шли спокойно, не мешая зенитчикам, и ни одна из фронтовых истребителей не поднималась в воздух.

«Гитлер капут!» — не скрываемой радостью говорили заключенные.

Но что это? От головного самолета отделилась точка и полетела вниз, оставляя за собой след белого дыма. Высокий дымчатый столб появился над лагерем. Самолеты удалились в сторону Веймара, затем медленно развернулись и стали опять приближаться к нам. Где-то в стороне завода поднялся огромный вал земли, взлетавший вверх глыбы камней, щебня. Следом за этим из якоря, этого якоря, всплыли из расположенного эзсовского города. Было видно, как рушатся кирпичные дома. Страшный грохот сотрясал все. Блок качался, как лодка на волнах...

Бомбардировщики с ревом пролетели над нами.

Но вот самолеты исчезли, и лагерь сразу зашелестел. Все команды были брошены в эзсовский городок, который являл собой отрадную для нас картину. Здания казарм, разрушенные фугасными бомбами, горели, облитые фосфором и засыпанные мелкими шрапNELльными, похожими на шаштровые карандшины. Слеза из-за дороги, застывшие все единим дылом, тлела горя башмаков.

Нашу команду заставили разбивать одно из разбитых зданий. Эта работа была нам по душе не только потому, что мы своими глазами видели спрavedливое возмездие палачам, но и потому, что в грудах кирпичей и штуцерами попадались остатки пищи. К зданию подъезжали грузовики, и мы с удовольствием нагружали ими телами эзсовцев. Убитых было так много, что французы забыли, какими они были от устаревшего порядка — хоронить каждого гитлеровца в отдельном гробу и с традиционным березовым крестом; — просто сваливали их в кучу в крематории, которые работали на полную мощность и ночью.

Вернувшись мы в лагерь только к вечерней поверке, а на следующее утро, накоротко выпив коричневой бурды, громко именуемой кофе, вновь построились, ожидая отправления на работу. В это время за проволоку нашего блока вошел незнакомый эзсовец. Но по его блеску я понял, что он был какой-то скользкий, притвористый. Эзсовец отобрал у нашей команды несколько человек — наиболее молодых. В их число попали и мы с Петром.

Нас повели на работу отдельно. Мы проследовали через эзсовский городок и вышли за ограду, где перед нами открылся огромный, развороченный бомбами пустырь. Трудно было представить,

Вагон с трупами заключенных концлагеря.

что только вчера тут высинись цехи большого завода.

Но все это мгновение перед другой картины, сказавшейся когда-то: к нам приближалось окружение эзсовских чинов не кто иной, как сам комендант лагеря. Комендант хмыкал. Да, хмыкал, потому что плакать по-человечески он, очевидно, не умел. Этот палач, изощренный садист, который поднимался лично Гиммлеру, размызгивая платочком слезы по своим пухлым щекам. Окружавшие его эзсовцы всхлипывали, чтобы скрыть выразительную свою сочувствие.

Мы, совсем обеспокоены, когда услышали от коменданта обращение к нам словами: «мыши», «егорушки», «бретюшки» — произнесенные самым властным голосом. Мы недорогували. Но вскоре все высинись. Накануне, во время бомбенки, комендант был в Берлине, а seinen его оставил здесь. Когда началась тревога, все родственники коменданта укрылись в бомбоубежище, построенным в виде большой железнобетонной трубы, находящейся в глуши. Кроме семьи коменданта, там находились семьи друзей эзсовского города. В бомбоубежище мы остались только спасущиму, привнесшему детей хозяев. Ее вытолкнула наружу жена коменданта. Девушка в страхе убежала в лес. И сейчас она робко рассказывала обо всем случившемся. Большая бомба попала в броневую плиту и, прошив ее насквозь, взорвалась внутри трубы.

«Комендант, угощай нас сигаретами», — попросил аккуратно и не спеша разобрать обломки его дома, чтобы найти фотографии и вещи. Мы, конечно, не возражали и со смиренной улыбкой смотрели, как он копорается в гуще мусора. Первое время комендант докладывал, пока мы читали вырывы и приносим ему. Каждую вещь он церемонно прикладывал к губам, принимал к груди и опять начинял хныкать.

Вскоре комендант ушел. Осталось только несколько эзсовцев, охранявших нас. Солнце сильно припекало, и эзсовцы, спасаясь от жары и пыли, устроились невдалеке под деревьями. Все

найденные вещи мы складывали около них на землю. Работа была неизвестна, но, сказать по совету, мы испытывали некоторое разочарование. Ведь вчера, когда разбирали эзсовские казармы, нам очень часто попадалось съестное, а тут ничего подобного не было.

Солнце клонилось к горизонту, когда мы с Петром заметили щель, за которой оказалась какой-то проход. Убедившись, что никто из эзсовцев не следует за нами, я, держась за руки, спустился в дыру. Ноги не доставали до пола, поэтому я сидел на полу. Обратно же сорвалась. Руки скользнули по продырявленному кафелю, стены под ногами засвистели стеклом. Когда глаза привыкли к темноте, я увидел, что нахожусь в кладовой. Вокруг вдоль стены стояли полки, заставленные стеклянными банками. Тут было и варенье, и какой-то густой жир, и маринованные овощи, и много всякой всячины. От такого богатства у меня разбежались глаза. Я начал пирожать. Вскоре набил себе живот до предела, но, ощущение сытости не прекращало.

В углу кладовой, на обнаженной земле, оторванной верхние доски и увидел ровные ряды упакованных в соломенные футлярчики бутылок. На красных этикетках удалось разобрать надпись: «Яйцо-сине ром». Недолго раздумывая, я привязал к каждой ноге по паре коленей по две бутылки. Штаны достались мне очень большие, и раньше я просто подворачивал их, а теперь распустил по всю длину и подвил ангуз веревочками. Получилось, какое-то подобие запорожских шаровар. Я выхватил также несколько кусков штаны и ялся и разложил их по карманам, а один пласт сала постолице привязал на спине под тужуркой.

До окончания работы надо было успеть побывать в подвале и остальным членам нашей команды, поэтому я не стал задерживаться дольше и, подставив ящик под щель, не без труда выбрался наружу.

После меня полез Петя, а я стала наблюдать. Обломки стен скрывали нас от глаз эзсовцев.

Так все наши товарищи по одному побывали в подвале.

Вскоре прозвучала команда стояться. Путь до ворот лагеря показался мне бесконечным. Яшел, сильно расставив ноги, чтобы не задеть одной бутылкой о другую. Когда наша команда, сняв шапки, проходила ворота, дежурный офицер, равнодушно посмотрев на нас и проверив по счету, пропустил команду. Теперь можно было спокойно вздохнуть и вместе с остальными товарищами посыпаться на минувшим страшами.

Ощущение, большое чувство расправило грудь. Ведь мы могли сегодня отблагодарить товарищей за их внимание к нам, хотя мы поминали, что кусок хлеба, отрезанный от своего голодного пайка, был в тысячу раз дороже, чем наше сало. Придя на блок и увидев Владика, мы рассказали ему обо всем и предложили часть того, что принесли. Владек обиделся; мноя показалось, что это предложение даже оскорбило его. «У нас, в Бухенвальде», — сказал он, — существуют свои некие не писанные законы. Тот, кто кому-нибудь даст есть, принадлежит всем. Один за всех, а все за одного. Только так мы сможем выжить».

В коммюте, где происходили разговоры, собрались много народа. Заключенные из бомбенки выворачивали свои карманы и складывали добчу на стол. С общего согласия половина принесенной еды и четыре бутылки рома завернули в мою куртку и поручили нам с Петром отправить в соседний блок.

Мы торжественно вышли во двор, сопровождаемые всем наследием нашей блоки. Когда я вспомнил к нам со второго этажа спустились первые, связанные ремешками, шнурками и все-го, что было под руками. Получив посыпку, соседи каждый по своему и на своем родном языке благодарили нас. Когда куртку сбросили обратно, мы нашли в ней маленький пакетик с табаком. Это багажство было собрано на шими товарищами из соседнего блока по крошки, каждый отдал

все, что имел. Владек разделил табак между нами. Вышло по однажды на маленькой самокрутке на десять человек.

ИГРА СО СМЕРТЬЮ

На следующее утро нас с Петейкой и всеми участниками вчерашней экспедиции буквально разрывали на куски. Все пришли для знати, когда привезли вчерашний призывной эсэсовец, чтобы попасть к нему в команду. И вот наконец блеснула золотая оправа пенсии, и во двор блока вошел тот, кого все ждали. Владек еще не успел склоноваться, а мы уже стояли в строю. Эсэсовец успокоился и, отобрав двадцать четыре человека, среди которых оказались и мы с Петей, объявил, что мы должны сформировать макетную команду по расшивке неизвестных фугасных бомб. Ост苍ти утреннего веселья как рукоятка сняло, лица у всех вытянулись.

Нашу команду разделили на группы по четыре человека. Каждая группа должна была разработать одну бомбу в день.

Шлепая в своих дощечках по дорожке к воротам, я и Петя — мы попали в одну четверку с польским Янеком и незнакомым чехом — пытались убедить друг друга, что лучше отложить все-таки значительно лучше, чем сидеть от истощения или отправка в экспериментальные блоки.

Пройдя несколько сот метров по направлению к каменоломням, мы встретили фуру, доверху заваленную мертвыми телами в полосатой одежде. По лагерю уже ходили слухи, что во время бомбежки погибло много заключенных, но не хотели верить этому. Однако теперь мы убедились, что все это правда.

В воздухе усилился групучий запах. Перед нами была дорога, заваленная обломками городы. Много людей, спасаясь от бомбёжки, поплыли здесь не от осколков, а от камней, которые плотным слоем засыпали все вокруг. Нам казалось, что камни ко-

леблются. Местами между ними виднелись остатки разорванных тел. Тучи жирных мух гудели в воздухе. Мы невольно остановились и сняли шапки, но резкие окрики эсэсовцев погнали нас дальше.

Особенно страшна картина открылась перед глазами, когда мы пришли к обрыву каменоломни. Заключенных, работавших в карьере, не выпустили отсюда во время тревоги. Тут погибло несколько сот человек.

Невдалеке за карьером виднелись ряды неповрежденных эсэсовских казарм, дразнивших нас солдатами из других блоков. В окнах в стеклах окон. На первом, бомбы предназначались для них. Ошибки или небрежность британских летчиков стомка сотен невинных жизней.

На краю обрыва виднелись три воротки. Одного из них офицер оставил нашу четверку предупредил, что, если мы сегодня не раздремим эту бомбу, нас расстреляют.

Дороги удалялись метров на пятьсот и исчезали там, издавая наблюдателя за ними. Это было большим преимуществом над другими. За весь день фашисты ни разу не подходили, чтобы потопролить нас.

Осмотрев соредние воротки, мы решили, что полтора метра грунта можем снимать совершивший спокойно. Весь наш инструмент состоял из двух лопат и двух кирок. Грунт, который мы вырывали, — глина с галькой — в работе продавлен был медленно. Когда же мы начали углубляться на полтора метра, чех внес предложение: работать по две. В случае, если произойдет несчастие, не все сразу погибнем. Мы немного поклонились, кому первым оставаться возле бомбы, но не пах и полях, как более солидные по возрасту, просто начали нас с Петейкой из ямы. Мы забрались в яму, когда я, торча находилась поодаль. Когда, покурив и немного отдохнув, мы вернулись к нашим товарищам, они нехотя уступили нам место и согласились уйти только при условии, что мы не будем больше

рыть вглубь, а только расширим яму. Чех хотел самому опасную часть работы взять на себя.

С Петей стали обливать края ямы. Работали совершенно спокойно. Покончил с ямой, взмахнул широкой. Раздался зловещий металлический звон — и мой друг с криком застыл на месте. Я тоже прирос к земле. Там, где Петя пытался втиснуть свою кирку, туским поблескивал на солнце покрытый лаком корпус бомбы. Петя ударили по корпусу в несколюкантиметрах от головного взрывателя. В этом месте блестела свежая цепочка: Петя и я были в трудном положении из ямы и подерили в товарищами, прихватив ноги. Чувство странной усталости охватило нас. Руки тряслись противной, мелкой дрожью. Я долго не мог прикурить сигарету. Немного успокоившись, мы все вместе вернулись к бомбе.

Бомба стояла почти вертикально, головным взрывателем кверху. Мне легко выбирнули его. Но сама трубка оставалась впереди: нунчук был вывернут очень чувствительный донный взрыватель, который крепится на восеми болтах. Немцы, конечно, было безразлично, раздряжим мы либо взорвемся вместе с ним. Однако взрываться мы не имели желания и поэтому ломали себе головы, как выбирнуть взрыватель. Вытащить пятым на поверхности мы были не в силах, а потому решено было подцепить ее снизу. Работали по одному. Кирка поминутно соскальзывала и со звоном стукалась о корпус бомбы, но мы уже привыкли к этому. После обеда мы с помощью проезжающей мимо грузовой машины вытащили бомбу и к вечеру без особых приключений разбрели ее.

Но впечатления для нас на это не остались. Вдоль дороги, которой мы возвращались в лагерь, вдунгуско построек для служебных собак. На пасире насчитывалось около тысячи овчарок, очень крупных и сильных. Когда мы до-

шли до конца построек, перед нашими глазами открылось жуткое зрелище. На плоскую, огороженную колючей проволокой, эсэсовцы втолкали человек десять заключенных и нарывались на ямы. Кто-то из них, привязанный киркой, раздавал зловещий металлический звон — и мой друг с криком застыл на месте. Я тоже прирос к земле. Там, где Петя пытался втиснуть свою кирку, туским поблескивал на солнце покрытый лаком корпус бомбы. Петя ударили по корпусу в несколюкантиметрах от головного взрывателя. В этом месте блестела свежая цепочка: Петя и я были в трудном положении из ямы и подерили в товарищами, прихватив ноги. Чувство странной усталости охватило нас. Руки тряслись противной, мелкой дрожью. Я долго не мог прикурить сигарету. Немного успокоившись, мы все вместе вернулись к бомбе.

Мы невольно скосили шаг. Как узнали позже, эсэсовцы ежедневно таким способом тренировали своих собак.

Через несколюк дней нашу команду направили на работу в город Бухенвальд. Усадили в машину, поехали на каждого из нас. Каждый приходился по два эсэсовца.

Предварительно нам приказали настить на груди и на спине белые куски материи с черной надписью: «Смертники».

Около часа мы трясились на машинах, пока доехали до границ запретной зоны. Запретная зона вокруг лагеря тянулась в радиусе около пятидесяти километров. С машины нас бросили видимо для просеки, деревянные планки для часов. Говорили, что вокруг первого заграждения, охватывающего территорию самого лагеря, эсэсовского городка, завода и всех мест, где работали заключенные, шла так называемая «сборочная зона». В этой зоне между двумя проволочными заграждениями находились голодные овчарки. Человек, которому удавалось проникнуть сквозь все преграды, попадал на расправу к псым.

В Ваймаре каждую нашу четырехсекундовую пышную санитарку, куда, кроме восьми эсэсовцев, входили полицейские и солдаты. Полуразрушенные дома, в которых мы должны были работать, опечаливались. Эти работы были вызваны не опасением, что мы разбежимся или кто-нибудь из немецких солдат при звонке залпом зарядом с бомбами, но при звонке эсэсовца, который попытается заговорить с нами. Политические заключенные строго изолировались от населения.

После того, как нам показали место, где находилась бомба, охрана удалилась, и мы остались одни. К вечеру мы удачно разбрели бомбу. Не знаю, какая судьба хранила нашу четверку, но никто из нас не пострадал на этой опасной работе. Между тем каждый день в этой команде гибло по несколько человек.

Было утко поздно, когда нас привезли обратно в лагерь. В блоке никто не спал, здесь царило необыкновенное оживление. Нам сообщили новость. Завтра должен отправляться эшелон с какой-то новой командой, многие из нас попадут в нее. Больше никто ничего не знал.

Эту последнюю ночь в Бухенвальде я спал крепко. Мне не хотелось ложить голову над тем, что будет. А когда на следующий день нас посадили в вагоны и эшелон тронулся, мне стало понятно, что независимо от того, вернусь я в Бухенвальд или нет, я стану членом семьи заключенных этого лагеря и никогда не забуду о своих товарищах, чья братская поддержка сохранила нам жизнь.

У братских могил в Бухенвальде.

ЕГИПЕТСКИЕ ГОЛУБИ

Рассказ

Голубятню Сеня построил хор-
шую, теплую. Дядя помог.
Дядя, как и Сеня мать, слу-
жил дворником. Только в другом
доме.

Теперь оставалось раздобыть
деньги на покупку голубей. Это
не легкое дело. Сеня у ма-
тери спросил ребят, и они сожи-
дая конейка на счету. Но все же
Сеня сумел скопить шесть руб-
лей, и если еще продать коньки,
то у него хватит денег на пару
простых голубей. А потому у них
появляются голубята. Голубята под-
растут, и у них тоже выведутся
голубята... И так бы пошло... Но
как можно лишаться коньков? Они
необходимы двентятелему че-
ловеку. Голуби не могут заменить
катаение на коньках...

Как-то в большом раздумье си-
дел Сеня возле своей голубятни.
К нему подошел жицер из дви-
жательной квартиры Андрей Олимпи-
евич. Артист. Очень хороший челове-
к. Ему и роли в театре давали тоже
хорошие. Он играл добрых стариков. Сеня уже раз пять видел Андрея Олимпиевича в театре.
Хлопал ему большие аплодис-
менты. У них была дружба, потому
что Андрей Олимпиевич не имел
детей. Да и никого у него не было, кроме Медведжки. Хорошая
собака, только глупая. Калашин
грызала.

— Ну, как дела, орел? — спро-
сил Сеня Андрей Олимпиевич.

И Сеня рассказал о своих за-
труднениях. На это Андрей Олим-
пиевич ответил так:

— Купи на свою шесть рублей
корум, а об остальном позабо-
тись я.

И он позабылся. В воскресе-
ние у Сеня появилась пара удиви-
тельно красивых голубей. В них
было прекрасно все, и особенно хвосты.
Они, как раскрытые веера,
настолько украшали птиц, что Се-
ния даже не находил слов благо-
дарности. Он знал по рассказам
других, что есть редкая порода
павлинных голубей, у которых
имеются такие хвосты.

— Как называются, Андрей
Олимпиевич, эти голуби? — спро-
сил Сеня.

Андрей Олимпиевич улыбнулся,
обнял Сеня и таинственным ше-
потом сказал:

— Это, мой друг, египетские го-
луби. Да! Египетские.

Сеня не стал оспаривать.
Ему даже было приятно, что у
него появились египетские, а не
какие-то другие голуби, потому
что в эти дни все говорили о
Египте. Говорили о том, как на
Египет напали чужеземные вой-
ска.

Сеня слышал, что на свете есть
такая страна — Египет, но где она
находится не знал. Из Географии
он не помнил ее в третьем классе. Но
так как голуби были египетскими,
Сеня принял их полагающе уда-
вать на Египте. И он узел. И ему
Египет и египтяне очень понрави-
лись. Потому, что они любят и
защищают свою родину и никаки-
ми бомбами их нельзя запугать.

А если египтяне хорошие, то у
них и голуби не могут быть пло-
хими. Не зря же Андрей Олим-
пиевич купил именно этих голубей.
Сеня никому не отдаст своих
голубей, которые, может быть,
приятеля сюда, спасаясь от вой-
ны.

Вскоре в Москве начались демон-
страции. Люди несли фанерные
и картонные листы, на которых
были написаны: «Руки прочь от Египта». Некоторые несли на-
рисованных голубей, а некоторые —
Сеня.

Сеня пришел к одной такой демон-
страции. Он тоже возвышался, и ему тоже не хотелось, чтобы
захватчики надругались над еги-
петской землей. Ведь это же, кро-
мекуда, земля.

Сеня пришел домой. Он
страшно спал, ехал с пересадка-
ми. Тяжело дыша, подбежал к от-
крытой голубятне.

Голуби не вернулись. «Может быть, ищут дорогу домой? — по-
думал и решил ждать. Время шло, а голуби не возвращались.
Андрей Олимпиевич застал Се-
нию плачущим у пустой голубятни.
Не плакь, Сеня, — твердо
сказал он. Голуби улетели в
Египет и скоро вернутся! Обяза-
тельно вернутся!»

— Когда? Когда?
— Нужно подсчитать дни. Пой-
дем ко мне.

В квартире Андрея Олимпиевича
друзья развернули карту мира,
и начался сложный подсчет.

— Сейчас твои птицы летят
из Египта между Ростовом и
Одессой. Вот здесь, — Андрей

ме всего прочего, родина его го-
лубей! Да! Египетская.

Египетское посольство находи-
лось далеко от Заставы Ильи-
ча, где жила Сеня. Но ему негруду
было прошагать с демонстрацией
через весь город, на улицу Герце-
на, к египетскому посольству.

Когда посол вышел на крыльцо,
чтобы поблагодарить демонстра-
цию, Сеня впервые увидел живо-
го египтянина. Он показался ему
очень приятным.

Посол начал что-то говорить на
своем языке, и тут для мальчика
вымысел голубей. Неказистых.
Голуби взлетели тяжело, посол,
наверно, даже не заметил их.

И Сеня подумал: «Если бы я
наверно, очень обрадовался бы».

Так он подумал, но голуби его
еще не обиделись в голубятне.
Они не нашли бы дорогу из улицы
Герцена через всю Москву к За-
ставе. Египетские вымысел перед
египетским послом египетских гол-
убей Сеня очень хотелось.

На другой день демонстраций
было еще больше. Теперь уже
многие ребята несли голубей.
И Сеня не выдержал. Он посадил
своих «главников» в ту же самую
корзинку, в которой привез их Ан-
дрей Олимпиевич.

И вот, противившись вперед, к
тому времени посольства, Сеня выпу-
стил перед египетским посольством
своих голубей.

Голуби взлетели быстро. Сеня
даже показалось, что посол сразу
заметил их и улыбнулся ему.
А демонстранты поклонили Сеню.
Один из них сказал:

— Настоящий парен!

Это все было бы очень приятно,
если бы голуби полетели к За-
ставе Ильи-Ча. Но они повернули на
Красную Пресню. Совсем в другую
сторону.

Сеня вернулся домой.

Он страшно спал, ехал с пересадка-
ми. Тяжело дыша, подбежал к от-
крытой голубятне.

Голуби не вернулись. «Может быть, ищут дорогу домой? — по-
думал и решил ждать. Время шло, а голуби не возвращались.

Андрей Олимпиевич застал Се-
нию плачущим у пустой голубятни.
Не плакь, Сеня, — твердо
сказал он. Голуби улетели в
Египет и скоро вернутся! Обяза-

тельно вернутся!»

— Когда? Когда?

— Нужно подсчитать дни. Пой-
дем ко мне.

В квартире Андрея Олимпиевича
друзья развернули карту мира,
и начался сложный подсчет.

— Сейчас твои птицы летят
из Египта между Ростовом и
Одессой. Вот здесь, — Андрей

Олимпиевич показал на карте.— Если они полетят прямой дорогой в Египет, то, вернее всего, заполчат в Крыму. Да в Симферополе или даже в Севастополе.

Артист положил на карту линейку и прочертывая караидашом прямую линию от Москвы до Каира. И оказалось, что прямой путь голубей проходит через Севастополь.

Вы думаете, Андрей Олимпиевич, они в самом деле полетели к себе на родину?—оживленно спросил Сеня.

— Не думаю, а знаю,—сказал артист.—Уж кому-кому, а мне известны повадки египетских голубей. Они очень часто летают к себе домой, возвращаются со своими родственниками. С двоюродными братьями, сестрами, просто с хорошими знакомыми.

— А зачем?

— Ну как же! Ведь всякому разумному голубю понятно, что в хорошей голубятне, в таковой, как у тебя, веселее жить большой компанией...

Глава Сени зажглись двумя синими огнями. Он, часто замигав, спросил:

— И вы думаете, Андрей Олимпиевич, что и моя приятель с двоюродными братьями?

— Убежден!

— А когда?

— Давай продолжим вычисления... Сегодня, мне кажется, они переносят в Севастополь. Их, наверно, покормят моряки. Это удивительно вкусные птицы. А утром голуби полетят через Черное море. И, как мне кажется, они остановятся где-нибудь на берегу Средиземного моря.

— Вот тут?—спросил Сеня, указав на карте точку пересечения караидашной линии и берега Средиземного моря.

— Да. Здесь им необходимо будет остановиться. Потом я думаю, что в Греции тоже много хороших людей, и они бросят им горсть кукурузных зерен. А потом голуби полетят через Средиземное море прямиком в Каир.

— Но ведь там война,—сказал Сеня.—А вдруг их убьют...

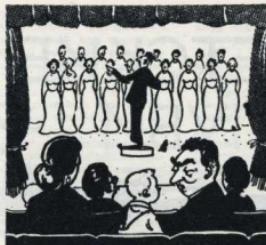
Артист на минуту задумался, а потом ответил:

— Такая возможность, конечно, не исключена. Но будто надежда на лучшее. Не такие же птички там голуби, чтобы лететь под бомбы. Обляют сторонкой. Словом, послезавтра, в среду, вечером они долетят. Четверг они пронесут в Египте и, наверно, в пятницу... Нет, вернее всего в субботу утром вылетят обратно. Тем же путем. Значит, в воскресенье вечером нужно будет открыть голубятню, насыпать соловьев и гороху. Вот и все. Не так уж долго тебе ждать до воскресенья.

Затем Андрей Олимпиевич стал собираться в театр. Он был занят в спектакле.

Сеня, счастливый, отправился домой. Ему снились хорошие сны. Он видел море и летящих над ним голубей. Он видел самолеты падающие вниз, и он видел, как из самолета падают люди. Он видел проскальзывающих голубей. Он видел, как радостно встречали в голубиных гнездах гостей из Москвы. Хотя египетские голуби ворковали на своем, египетском языке, Сене все было понятно. Он хвалил московскую голубятню у Заславского Ильиных и очень хорошо отзывался о Сене.

Дни шли медленно, но шли. Настало воскресенье. Андрей Олимпиевич уходил куда-то, предупредил Сеню:

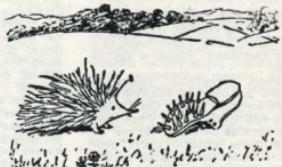
— Папа, почему они поют все вместе?
— Они боятся личной ответственности.

Болгарский Ю М О Р

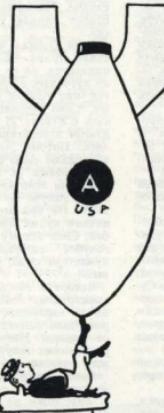

Без подписи.

ФЛИРТ

Еж: Когда мы с вами можем встретиться?

Опасная игра.

Его кругозор.

— Не забудь открыть сегодня голубятню. Вечером они должны пролететь.

Сеня весь день ждал, а голуби не прилетели. Кончилось спасение, мать позвала его домой. А как уйти? Они пролетят, кто закроет дверь? Выучил Андрей Олимпиевич:

— Я подожду. У меня сегодня нет спектакля. Они могут пролететь поздно ночью. Дует встречный северный ветер. Им трудно лететь. Сплю!

И Сеня уснул.
Утром мать подавая ему ключ от голубятни, сказала:

— Андрей Олимпиевич велел передать тебе, что они пролетели

в полночь. Шесть штук. Чем коррмить становишь такую ораву?

Никогда еще не было столь торопливым одевание. Сеня выскочил из дома, не умывшись. Подбежав к голубятне, он услыхал, как вестерн лупитных голубей. Но среди них не обнаружил своей старой пары, которая была знакома ему до перышка, до коготка.

«Может быть, изменились в дороге?»— решил он, не желая думать иначе, хотя в голову лезли всякие подозрения относительно появления голубей в воскресенье, в этот единственный день недели, когда в Москве открыт птичий рынок.

В классе не верили, что Сенини

голуби летали в Египет и вернулись оттуда виноватым. Не верили, но рассказывали на разные лады о том, как египетские голуби, побывав на родине, привели в Египет.

В театре, где работал Андрей Олимпиевич, артисты говорили не только рассказы о египетских голубях. Не верили, но пересказывали эту историю за кулисами и дома.

И я не верю. Но мне приято переносить сейчас на бумагу рассказ о египетских голубях, услышанный в театре, где играли роли добрых стариков пре-восходнейший человек и отличный артист Андрей Олимпиевич...

ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ

На одной из выставок внимание зрителей привлекала необычная картина СССР: светящиеся линии и фигуры, оросительные насосы, мерцающие голубые свет излучающие гигантские водородорожники, пронизанные лесозаготовками посыпки.

Эта картина была написана красками, в состав которых входят специальные люминифоны — особые вещества, обладающие способностью светиться под влиянием ультрафиолетовых лучей.

Рассматривая светящуюся картину, художник-декоратор Геннадий Мандельберг не наелся ли использовать люминифоны при изготовлении театральных декораций.

Долгие часы просиживал он в лаборатории, проводя всевозможные эксперименты, чтобы выяснить, как бы кинуть на холст одинаковые краски, смешанные со светом.

Однажды, пронгасив своих домашних в мастерскую, Мандельберг привел к себе старую шартерную скатерть.

Смотрите, как я ее обновил! — пронесся восторг скатерти ультрафиолетовыми лучами.

Потолок засияло желтыми, красными и зелеными, потолок синими и зелеными и глубины. Он застыла, будто нанес на матерью людскую разные краски, от которых возникли удивительные, чудесные, светящиеся узоры скатерти.

В прошлые работы у художника из родинки мысли не льзяли ни о одном и не холсте создать одновременно и нарисовать и нарезать и одновременно красками, другое — светящимися!

Трудно было это сказать заподозрил в том, что нарисовать второе изображение, художник не видит результатов.

Но у художника приходилось время от времени подсвечивать рисунок на краеведческой выставке, чтобы избежать удачной лампой, только после этого снова продолжать работу.

Достижнутые результаты воззрадили художника за труд. Всюду

на сценах театров появились декорации, написанные по методу люминифонов, и они были прекрасны. Однажды удачной оказалась постановка сказки Е. Шварца «Снежная королева» в московском театре драмы и комедии.

Вот по ходу действия на сцене появляется снежная королева. Розы, измазанные красками, на глазах у зрителей вспыхнули — это произошло потому, что мы выбрасываем кампу излучающую ультрафиолетовые лучи. Но вот снежная королева уходит, и розы снова ярко расцветают — это квадрическая

лампы «освещали» рисунок, написанный люминесцентными красками.

Этот час будто чисто внешний эффект оказался в руках ремесленника интересным приемом, который можно было расширять, расширять, расширять.

В 1951 году на первом выставке союза художников Москвы были показаны работы художников Е. Мандельберга, Б. Баранова, И. Толкача, Е. Шварца, Е. Федотова и других.

Посетители любовались сказочным миром, созданном художниками в Талинском театре оперы и балета, карнавальной, возникшей в пустыне краской, Медикумом Е. Мандельберга, роману Алишера Навои. Когда Медикум величественно, торжественно, пышно, блестяще, преобразывается. Перед зрителями вспыхивает пышный декор, и фонтаны светящимися красками помогают волшебнику в реальных образах мечты Медикума.

В «Спящей красавице» феи Сирены и привидения, созданные сказочным мастером Б. Барановым и певчей Авророй, спящий в замковом зале. Обично путешествие это изображается на картинах в виде огромной движущейся панорамы. В Горьковском театре оперы и балета на сцене был создан целый ряд светящихся красками, которые даже возможностью режиссера соединить в одно целое, это фантастическое зрелище.

Существуют, помимо описанных выше, и другие виды светящихся красок, называемые инфракрасными и составы, которые могут светиться в темноте, исключая излучение ультрафиолетовых лучей. Стена, покрытая таким составом, демонстрирует себя в солнечные лучи, а вечером, в темноте, отдает наполнением за день энергии.

Можно использовать светящиеся краски для оборудования дорожных знаков и разметки на дорогах, шоссе, автомагистралях, для изготовления наглядных школьных пособий. Отлично будет использовать эти краски на цирковых сценках, на сцене, на сцене цирка. Истась, новая краска может служить и рыболовам-любителям для буяна, исчезающего в морях с светящимся поплавком. Чтобы светящиеся краски начали сама излучать свет, широкое применение энтузиастам этого «маленького чуда» нужна помощь.

И. АМСКИЙ

Молодого композитора А. Кузнецова и исполнителя советских песен И. Каланикова сподружились любители музыки. Их профессия — они являются участники в художественной самодеятельности и сейчас охотно выступают на концертах в клубах Москвы, в таких и колхозах и совхозах. Подмосковья. За последние годы они записали несколько песен, одну из которых мы публикуем в этом номере журнала. И. К. и А. К. Кузнецовы исполнят песню «Любушка».

ЛЮБУШКА

Слова Ивана КАЗАКОВА

Музыка Алексея КУЗНЕЦОВА

Припев:

Когда Люба моя запевает,
Вся деревня за нею поет.
Красотой она всех увлекает,
А любовь для меня бережет.

Припев:

То не песни звенят переливы,
Не ромашка в долине цветет —
Это Люба с ульбкой счастливой
По раздольному полю идет.

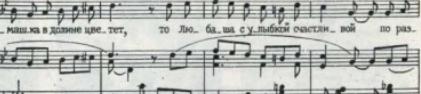
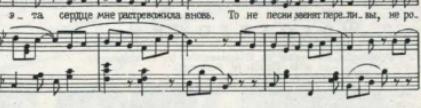
Не скоро, задушевно

mp
Илю. до

припев

На снимке вверху: зимний пейзаж, написанный обычными красками. Если же поверхность покрыта ультрафиолетовыми лучами, то перед вами возникнет гидростанция, нарисованная светящимися красками (снимок внизу). Работа художников Е. Мандельберга, П. Толкача и Е. Шварца.

Русские деревянные резные игрушки. XIX век.

Замечательные сокровища

Всем хорошо известны великолепные экспозиции Исторического музея, отражающие прошлое нашего народа. Но мало кто знает, что в тридцати четырех залах музея помещены лишь некоторые из более чем пяти тысяч экспонатов. В фондах хранятся еще десятки тысяч документов, предметов быта, картин, образцов оружия.

На одном из верхних этажей, в зале, где хранятся русские письмы, хранится около двадцати тысяч книг. Почти все они написаны рукой, обвиты кобзом, на наиболее ценные — бахромой или шелком. Самая древняя рукопись

находится в подвале собрания первопечатных русских изданий Ивана Федорова, отец которого был купцом по фамилии Григорьев. Купеческой группой рукописей VII—XVI веков, куда входит древние списки «Слова о полку Ильи Муромца» и «Одиссея».

В хранилищах собраны архивы, образцы работы и расписи по дереву, парчамин, вышивки, изделия из ногтей, металла. Все они выполнены русскими мастерами-умельцами.

Гляди на некоторую русскую книгу, написанную «Ленъ» Лесковым. Представьте себе обширнейшую висячую замок, на котором висят не меньше спичечной головки, а все — подрамник. Замок, в свою очередь, с трех сторон держится в пальцах. Ключ же почти не виден, и для этого нужно смотреть вправо. Это чудо ювелирного искусства, созданное в середине прошлого века, вручную, вероятно, одним из тудашников.

В фондах музея есть вещи, принадлежавшие Петру I, Елизавете Петровне, П. Н. Святославу — «Богородице Святославе», датированной 1073 годом. Это научная энциклопедия, в которой содержалось множество разнообразных сведений по зоологии, географии, астрономии, космографии и медицине. Энциклопедия «Митиславово енциклопедическое наименование» начата в 1645 году и в 1651 году заканчена в роскошном переплете, украшенном золотыми листьями и зернами. Среди более поздних рукописей обращают на себя внимание три тома летописи из библиотеки Глинбогота Ивана Грозного. Каждый том имеет свою миниатюру, которая дает представление о том, каким образом молодежь сможет увидеть все лучшее, что собрано в богатейшей сокровищнице музея.

М. БАГРЕЕВА

Наши интервью

Радио помогает астрономам

Профессор С. Э. ХАЙКИН

Скончало раз в звездные часы приходилось любоваться Млечным путем, просеянным все небо! И вы, конечно, замечали, что на рефракторной ложе его есть темные пятна, которые называются пустотами. Однако темные пятна — это не пустота, в них не меньше звезд, чем в сиреневом пространстве. Пространство, в котором можно увидеть их невооруженным глазом, неизвестно даже для оптики. Тогда радиоастрономы так как свет их рассеивается на межзвездном газе.

Как же исследуются такие недоступные для оптического наблюдения объекты? Здесь на помощь ученым приходит радиоастрономия. Радиоастрономы, с помощью антенн, рассеянные в космическом пространстве, собирают и концентрируют на харacter и мощность уловленного радиосигнала. А это, в свою очередь, дает возможность судить о температуре и плотности небесных тел, о характере состояния их частиц и других свойствах.

Методами радиоастрономии изучают определенные магнитные поля существующие вокруг небесных тел, радиоастрономы могут сказать, что позволяет вести за ними наблюдение.

Несколько раз в звездные часы приходилось любоваться Млечным путем, просеянным все небо! И вы, конечно, замечали, что на рефракторной ложе его есть темные пятна, которые называются пустотами. Однако темные пятна — это не пустота, в них не меньше звезд, чем в сиреневом пространстве. Пространство, в котором можно увидеть их невооруженным глазом, неизвестно даже для оптики. Тогда радиоастрономы так как свет их рассеивается на межзвездном газе.

Как же исследуются такие недоступные для оптического наблюдения объекты? Здесь на помощь ученым приходит радиоастрономия.

Радиоастрономы, с помощью антенн, рассеянные в космическом пространстве, собирают и концентрируют на харacter и мощность уловленного радиосигнала. А это, в свою очередь, дает возможность судить о температуре и плотности небесных тел, о характере состояния их частиц и других свойствах.

Методами радиоастрономии изучают определенные магнитные поля существующие вокруг небесных тел, радиоастрономы могут сказать, что позволяет вести за ними наблюдение.

Несколько раз в звездные часы приходилось любоваться Млечным путем, просеянным все небо!

Изучение Солнца, проведенное в начале прошлого века, показало, что он открывает широкое поле для исследований. Новая радиотелескопическая предполагается в работе радиотелескопа, построенного по программе Международного геофизического года.

Первые наблюдения радиоизлучения Солнца, проведенные в начале прошлого века, показали, что он открывает широкое поле для исследований. Новая радиотелескопическая предполагается в работе радиотелескопа, построенного по программе Международного геофизического года.

Такая головоломка, состоящая из криптограммы и чайворда, решается так: сначала следует найти слова, начиная с цифры, то есть часовской стрелки, затем расшифровать слова в пять минутных стрелок, то есть часы, в которых напечатаны цифры. Так, например, 15, дает окончания и начало словам, идущим по полукругу.

Далее, надо найти слова, начиная с цифры, то есть часовской стрелки, затем расшифровать слова в пять минутных стрелок, то есть часы, в которых напечатаны цифры.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ЧАСОВЫМ СТРЕЛКАМ:
1—17. Государственное вестинище, 1785. Задор, ученый, 1800. Красивейшая музикальная единица, 8—9. Часть турнира, 9—10. Редкий вид спортивного единоборства, 10—11. Спортивный приз, 11—12. Площадка для игры в мяч, 12—13. Место приспособление для прыжков, 13—14. Государство в Азии, 14—15. Место, где в построении самый большой в СССР стадион, 15—16. Один из видов спорта, частично Атлантического океана, 16—17. Небольшая школа.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ПОЛУКРУГУМ:
1—17. Государственное вестинище, 1785. Задор, ученый, 1800. Красивейшая музикальная единица, 8—9. Часть турнира, 9—10. Редкий вид спортивного единоборства, 10—11. Спортивный приз, 11—12. Площадка для игры в мяч, 12—13. Место приспособление для прыжков, 13—14. Государство в Азии, 14—15. Место, где в построении самый большой в СССР стадион, 15—16. Один из видов спорта, частично Атлантического океана, 16—17. Небольшая школа.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: «ВЕРХОДАЯ». Фото предоставлено Г. Зельманом.

Четвертая страница обложки. Всю нашу страну стадионами — говорит старый колхозник Киргизии Гурбанбек Абдурасулов, — в честь имени Чалчана, совершающим поход в горах Киргизии, в честь которого в Киргизии существует традиция, что стадион, расположенный в одном из колхозов Джалалабадской области Киргизской ССР. Фото Г. Зельмана.

Редакторы: Г. Гулина, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, Б. Кулешов, М. Лукинин.

Технический редактор: О. Швовская.

Фото: Г. Гулина, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, Б. Кулешов, М. Лукинин.

Главный редактор: М. А. Величко.

Оформление номера: В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д-334-24. А 05043. Подписано к печати 25/VI 1957 г. Тираж 300 000 экз.

Изд. № 596. Заказ № 1246. Формат бумаги 70×108/4. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СЛЫШАЛ ЗВОН...

Гриша Петренко, комсорг фабрики, в обеденный перерыв собрал членов комитета.

— Давайте утвердим план работы на следующий месяц! — привык сказал он, когда все уселись за стол. — Возражений нет?

Тогда у меня есть одно предложение. Хочу знать, как вы и немножко я, конечно.

Петренко сделал интригующую паузу, — Члены комитета с интересом смотрели на него.

— Понимаете, до сих пор в наших извле-

ниях было мало добродетельности, а именно

на хвосте продолжал Петренко. — Скучники на хвосте мешают нормальной жизни. Мы с этим надо кончать!

— Надо! — с воодушевлением поддеркали

Гриша. — Ноинпритеет? Кто хочет выступить?

— спросил Гриша.

Этот вопрос застал членов комитета врасплох.

Петренко тут же удрог от такого поворота. Не

он ли до сих пор это засуживал?

— Почему присоединился? Не он ли был сторонни-

ком многочисленных собраний, которые считал

Рис. Е. ГУРОВА.

чуть ли не единственной формой воспитательной работы? Существовал даже призант, второго в роде политучебы. И вдруг...

— Плохо, товарищи, если вас нет интересных предложений, я удрог, потому что вы, конечно, не можете. Медленно вы перестраиваетесь. Я уважаю вас, товарищи, какими планами вы других организаций. Но вы, конечно, не можете нам не пропести вечер, например, на территории фабрики. Мой друг, отчизне по светлым душам прекрасные поговорки.

Хорошо! — воскликнула надзирщица Фея Калиновская. Она была человеческим в тонкой поэтической форме. Видите, что Фея очень любит стихи: в День позора обрадовала нас малютками и истратила половину полученных статваторных сборников с автографами поэтов.

— Или разве не заманчиво организовать комсомольскую свадьбу? — продолжал Петренко.

Я только за! — с энтузиазмом поддержал Гриша.

— Уж не такие ли свадьбы мы будем праздновать? — лукаво спросила Фея.

— Да, конечно, и мои! — с готовностью ответил Зубков.

— Товарищи, не отвлекайтесь! — строго предупредил Петренко. — Шутить будем потом.

Фея сделала серьезное лицо:

— А ну-ка, Гриша, представляешь себе вечер на территории Мой друг, отчизне поставим!

— Очень просто: что такое «души» прекрасных парней? в наши добрые времена?

— Это трудовой энтузиазм, значит, надо подготовить специальный доклад о ходе соревнования. Пускай кто-нибудь, например, член нашего комитета Чельцов, бросят в кипу все эти цифры в руках. Ну, а потом прене...

Фея сразу как-то увяла.

— Ну, что свадьба как предполагается?

— Элементарный вопрос, товарищ Зубков, — заметил Петренко. — Тут все ясно. Я, член комитета, доложу на тему о значении брака и о борьбе за его укрепление в духе крепкой советской семьи. Потом предложу то, что позволит лучшим производственным с понижением рабочего класса, а также регистрация и заключительное слово председателя совета.

— А «коры» кричать ногами?

— Шутить будем потом. Сейчас речь идет о планах работы.

— Я лично свою свадьбу откладывая, — мрачно зарек Зубков.

Петренко бросил на него уничтожающий взгляд.

Несколько, товарищи Зубков. Другие органически перестраиваются, а мы все по старинке работаем. Я слышал вчера, ваши соседи, кондитерские, что-то про фабрику, такой план

Образование, приятная и обходительная, Фея

на этот раз перебила Петренко:

— Слышал я...

Бор. ЕГОРОВ

Рис. А. Максимова.

На распутье.

Рационализатор.

Dame!

Рис. В. ЧУПРЫГИНА.

Ты что-нибудь шьёш новый костюм...
А как же... Шью новый костюм...

В ОБЩЕЖИТИИ ШУМ...

В нашем общежитии живет много молодежи, работающей на стройках. Ребята вовсе не глупые, они изобретательны, находчивы, разрабатывают интересные идеи, радикальные. Это хорошо. Но вот беда: некоторые из них, особенно из числа музыкантов, исполнителей народных песен, спят или занимаются этим спят или занимаются. Это не может быть нормальной жизнью в общежитии.

На днях в общежитии парень

попросил у нас, в общежитии, привлечь

и сразу лишил нас подполья пионерского родства.

Да мысл не идет наше общежитии

на писки «Я нас в общежитии

свадьба». Такго смеют младые сестры,

дойную фонтанету ритмичная

«Любимый город может спать спокойно...»

А в общежитии спокойно... не успев.

Казалось, на что я характером

Не выдержал, парню заметили,

— Ты этим «Генерод» поставил рекорд

Неуважения к соседям.

М. БОГУСЛАВСКИЙ

Поселок Палатка,
Магаданской области.

Цена номера
2 руб.

